

ИРИНА КОТОВА

КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ-14
ЧАСТЬ I

ВРЕМЕННАЯ ОБЛОЖКА

Королевская кровь

Ирина Котова

Королевская кровь – 14. Часть 1

«Котова Ирина »

2025

Котова И. В.

Королевская кровь – 14. Часть 1 / И. В. Котова — «Котова Ирина», 2025 — (Королевская кровь)

Взгляды всей Туры прикованы к двум белым престолом. Кто станет правителями освобожденных стран и завершит восстановление баланса на планете? Смотрит мир и в другой угол континента, в Тидусс - удастся ли богу в человеческом обличье спясть три народа в один и дать ему великое будущее, в котором народ этот станет частью гармонии Туры? И только пятой принцессе Рудлог неинтересны все эти глобальные проблемы. Ее волнует только то, как вернуть своего мужа. И главное, чтобы в своих поисках она не преступила черту. Потому что не жалеть себя у детей дома Рудлог - это фамильное.

© Котова И. В., 2025

© Котова Ирина , 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ирина Котова

Королевская кровь – 14

Часть 1

Глава 1

Наступил июнь и над Турой покатались грозы. И неудивительно – все знали, что с наступлением лета Красный воин, дождавшийся свою жену, вносит ее в огненный дворец и там предается любви, да так, что первые дни хоть носу из дома не показывай – может внезапно набежать гроза, да с молниями, с градом, с громом, похожим на молодецкий хохот. Впрочем, жар бога войны давал потом большой урожай, а если слишком заливало поля, то устраивали во всех странах воинские ристалища: хоть так отвлечь Воина, чтобы не слишком усердствовал. Но не всегда срабатывало, не всегда.

Отзвенели, отпели молитвы чествования нового сезона, и год двинулся к самому длинному дню в году – когда по всей Туре будут жечь высокие костры, и прыгать через них, и приносить жертвы огню, и чистить жилища пламенем, обнося свечой, и брачные клятвы давать нерушимые, если кто решится. В этот день воины принесут клятвы на Кодексе, данном их Отцом, а кузнецы освятят в огне свои инструменты. Говорили еще, что в этот день может Великий спуститься на Туру и встретиться какому-нибудь бойцу, чтобы испытать его. А если пройдет тот испытание – то будет обучен мастерству, что при должном усердии сделает его в бою почти неуязвимым.

Просто так Иоанн Красный подарки никому не делал. Ибо, как и положено строгому отцу, считал, что нет смысла идти в честный бой, если ты неуязвим.

Над Тафией, Городом-на-реке, лежала ночь, и тоже гремела гроза, и молнии раскатывались на полнеба. А на крыше своего дворца стоял дракон Четери, подняв слепое лицо к небу, и смотрел внутренним зрением, как ветвями разбегается в льющейся сверху лазурной стихии стихия огня, а стихия воздуха налетает волнами-порывами, делая лазурь огромным морем. И в море этом ныряли-резвились драконы Тафии.

Никто из них не решился предложить Владыке стать его глазами в эту грозу, кроме Юнеди Игириана, опустившегося рядом с ним на крышу. Но Четери покачал головой.

– Спасибо, – сказал он, – но я буду вынужден смотреть на тебя, а не на стихию, Юнеди. Не хочу так. И боюсь.

– Разве ты можешь чего-то бояться, Мастер? – тихо спросил дракон. – Ты, победивший бога?

– Бессилия, – ответил Чет. – Сильные боятся бессилия, сын. Лети и не позволяй моему бессилию омрачить тебе эту грозу.

Юнеди улетел и серебристо-лазурным пятном носился сейчас в кипящих стихиях. А Четери смотрел.

И казалось Мастеру, что все же не выдержит он сейчас – обернется, расправит крылья и рванет вверх, в эту грозу, растворится в ней и не вернется обратно. Так любил раньше он летать в грозы, что не смог удержаться и не выйти на крышу. Чтобы хоть так прикоснуться к мощи. Чтобы хоть так побыть в ее центре.

«Живи той жизнью, которая у тебя есть, вспахивай и улущай то поле, что принадлежит тебе, – говорил Мастер Фери, – и не трать силы на тоску о несбыточном. Трать их на свое усовершенствование».

Что делать, если ты уже достиг совершенства, учитель не говорил.

Четери поднял руки к лицу, умылся дождем – и пошел к жене и сыну. Жить ту жизнь, которая у него есть.

В небесных сферах, в белой спальне Иоанна, где потолки вместо колонн поддерживали голубоватые столбы пламени, на огромном ложе отдыхали божественные любовники – разгоряченные, полные сил, расслабленные после любовной схватки. Иоанн, поднявшись, как был обнаженным, налил в чашу вина, протянул Серене – которая, скрестив ноги, перебросив волосы на плечо, медленно перебирала их, задумчиво улыбаясь и глядя куда-то вниз. В эти моменты ему всегда хотелось спросить ее – ты ведь обо мне думаешь, моя богиня? Потом она поднимала на него серый взгляд, в котором виднелось море, и он читал в нем ответ – да, только о тебе.

Но сейчас она головы не подняла. И он, поднеся ей к губам чашу, слизнул с ее губ капли вина. Выпил сам и только потом сам посмотрел вниз.

Громыхнуло.

– Не сердись на него, – попросила Серена с улыбкой. – Он еще не бог. Мы людьми тоже были нежнее.

– Как я могу, – усмехнулся Иоанн, – он мне брат по оружию, побратим, прикрывавший спину. Но я ему не только брат, но и учитель. Нетерпеливо мне, вот и грохочу. Пора бы... но нужно еще подождать.

– Вот и подожди, – согласилась богиня легко. – Куколка, как ни подгоняй, в бабочку раньше времени не превратится.

Иоанн незло хохотнул.

– Сразу видно – сады Желтого еще цветут в твоей душе. Дай мне время, и ты не будешь помнить никого, кроме меня, жена моя.

Серена улыбнулась так, как могла бы улыбнуться только богиня любви, и в глазах ее он увидел удовольствие от того, что так кружит она ему голову, что так дик и свиреп он для нее.

– Ты уж постарайся, муж мой, – прошептала она, поднимаясь ввысь, к небу за распахнувшимся сводом, окутываясь своими волосами как дождем, и он рванул следом, сплетаясь с ней и впиваясь в нее ревущим потоком пламени.

И грозы по Туре загрохотали с новой силой.

Не только Четери не спал в эту ночь в Песках. Летали в грозовых облаках над Истаилом, с наслаждением отдаваясь потокам ветра, чувствуя, как играют на кончиках перьев электрические разряды, Владыка Нории и его брат Энтери. И справа и слева ощущали они других драконов, поднявшихся в небеса – все дети Инлия и Серены любили купаться в грозе, потому что вместе с огнем представляла она собой квинтэссенцию трех стихий, давших жизнь крылатому племени. Резвились драконы в потоках, как дети на мелководье, со смешливым ревом уходили от молний, ныряли в воздушные ямы и были совершенно счастливы.

Но омрачала счастье Владыки мысль о том, что Четери эта роскошь сейчас недоступна. Идти к нему сейчас не нужно было – тяжелее беспомощности Мастер принял бы жалость. И Нории понадеялся, что друг сейчас просто спит. Хотя кто из драконов мог бы спать в такую великолепную грозу?

Мысль о Четери отравила радость – и Нории, в полете подняв голову к небу, попросил:

«Матушка, я знаю, что ты и так вернула бы Четери зрение, если бы могла. Но, прошу, помоги ему снова вернуться к себе – веселому, быстрому и легкому, как истинный ветер. Помоги ему снова захотеть вернуться в небо».

Теплый ливень омывал его, словно говоря, что все будет хорошо. Или Нории очень хотелось в это верить.

Владыка опустил на крышу дворца в Истаиле, на которой они любили сидеть с братом. Посмотрел на Белый город, кажущийся в свете молний сахарным: будто припусти ливень еще немного, и он растает. Полюбовался на ауры братьев и сестер, ныряющих в грозе, нашел взглядом Энтери, который поднимался ввысь свечой. Завтра брат с тридцатью драконами должен был уйти в Дармоншир – на год драконы поселятся в разных графствах Инляндии, чтобы поднять урожайность. Все как условились с Люком.

Нории вспомнил о брате-ветре и улыбнулся, как всегда улыбался, думая о нем. Удивительно, как Люк делает все, чтобы дойти к цели, хотя не желает этого. Что это, как не рука предназначения?

Дождь умывал лицо, ласкал волосы и плечи, наполнял силой и негой. И Нории, как был обнаженный, направился к Ангелине. Из объятий матери в объятия жены. Есть ли счастье больше этого?

Только бы Четери снова начал улыбаться. И тогда ничего не будет омрачать счастье Владыки Владык.

Гроза плескала и с другой стороны Милокардер, спускаясь рваными тяжелыми валами с помятых божественным боем гор. Над Рудлогом стоял поздний вечер, и под раскаты грома наследник йеллоувиньского престола Вей Ши с небывалым смирением, вспоминая наставления Мастера, учил неповоротливого и мрачного от этого Матвея Ситникова бою на клинках.

Каждый раз у них было новое место занятий – то проулочек, то чей-то огород, то заброшенный детский сад, среди лошадок, качелей и беседок. Вей Ши продвигался со своими полками ежедневно, и Ситников никогда не знал, где застанет его очередным вечером.

Группы боевых магов, в которые входил Матвей, располагались отдельно от основного войска – в палаточном лагере под Мальвой на территории базы, уничтоженной наступившим на нее богом. Прямо рядом с озерцом, на дне которого остался и полигон, и бункер, и раскрошенные в порошок здания. Когда возникала необходимость, отряды магов переносились туда, где планировались бои, освобождение городов или уничтожение крупных соединений иномирян.

Йеллоувиньские же полки были заняты на освобождении Мальвы, которое из-за обилия гражданского населения и того, что иномиряне прикрывались им, шло медленно – улица за улицей, дом за домом. С наступлением ранней летней южной темноты бои периодически стихали, и тишина разбавлялась редкими выстрелами, верещанием инсектоидов и шумом степного ветра.

Вей Ши нашел Ситникова через командование рудложской армии сразу после прибытия под Мальву: обещание Мастеру нельзя было не исполнить. Точнее, как нашел – передал сообщение, что будет ждать его каждый день в девять вечера по наказу Мастера.

В первый день Ситников не появился, во второй – все же пришел, но занят в бою был уже Вей, и из Зеркала молодой маг шагнул прямо в разгар битвы: отряд йеллоувиньцев, которым командовал принц, зажал группу иномирян на охонгах на одной из улиц Мальвы, и планомерно под атаками стрекоз уничтожал их.

Ситников не растерялся, присоединился к бою – а затем, когда на улице все затихло, Ши отдал все приказы, а отряд стал срочно сооружать баррикаду перед следующим переулком, на котором засела группа иномирян со стрелковым оружием и гранатометами, спросил:

– Тебе помощь нужна была, что ли?

– Это тебе нужна помощь, – ответил наследник сдержанно, наблюдая за своими людьми и забрасывая на плечо автомат. – Мастер велел мне обучить тебя. Так что, если ты готов, следуй за мной. И приходи ко мне каждый вечер в девять.

Ситников пожал плечами и пошел рядом с Веем.

– А если я буду занят? – пробасил он.

– Тогда не приходи, – невозмутимо ответил Вей Ши.

– А если ты будешь занят?

– Тогда уходи, – совершенно серьезно ответил наследник.

Невольный ученик захохотал.

– А ты, оказывается, умеешь подкалывать.

Принц не стал говорить, что он не шутит. Зачем зря тратить слова?

– А разве тебе по статусу идти в бой, как простому офицеру? – поинтересовался Ситников, взглянув на автомат и наверняка заметив и общую потрепанность наследника. – Разве ты не должен сидеть где-нибудь в штабе, отдавать приказы?

Вей думал промолчать, ибо не по статусу наследнику престола объясняться перед кем бы то ни было. Но снова вспомнил Мастера и нехотя ответил:

– Посидеть я и во дворце в Пъентане мог. Или в Тафии. Но правитель – это не только сила, данная богом, но и сила, данная народом. И армией. Бойцы, рядом с которыми я сражаюсь, которых веду в бой, через двадцать лет станут полковниками, а через сорок – генералами на должностях в частях по всей стране. Они будут опорой трона не только долгом, но и сердцем. Они будут помнить и говорить о том, как бились рядом со мной. Их верность я обеспечиваю сейчас.

Он практически дословно повторил слова деда, сказанные перед ссылкой в дальнюю часть.

Матвей покосился на него.

– Сложно все это, – сказал он сочувственно.

Вей не ответил. Он вышел на непростреливаемый переулочек-тупик меж трех домов, где лежал вверх брюхом, чуть подергиваясь, развороченный гранатометом охонг, и велел:

– Доставай клинок. Будешь учиться его правильно держать.

С тех пор они уже занимались несколько раз, и от высказывания вслух, что этот увальень-простолудин безнадежен, Вея удерживало только обещание, данное Мастеру. Хотя нет, не только. Возможно, наследника все-таки в боях в Тафии и на Лортахе впечатлило то, с каким мастерством Ситников использовал свои магические умения, – как и то, с каким упорством молодой маг раз за разом вытягивал клинок и по-доброму шутил над своей неумелостью. Так, что даже сам Вей иногда, отвернувшись, прятал желание улыбнуться.

Раздражение, что ему приходится тратить время на эти занятия, он загнал куда-то далеко. Потому что, стань он Мастером, и у него даже в статусе императора появятся ученики. И они могут быть самых разных кровей. И если уж самому Четери по рангу учить простолудинов, то ему, Вею, придется с этим смириться.

А вот над Блакорией гроза уже отгремела и ушла в сторону Инляндии, открыв прозрачное сумеречное небо, подсвеченное последними лучами закатного солнца. Здесь, в разных городках, лесах и полях сводная армия Рудлога, Бермонта и Блакории принимала капитуляцию иномирян. Их выстраивали в отряды, и они под присмотром машин вооруженного конвоя двигались в путь – сначала к Тафии, в которой те, кто хотел обратно на Лортах, оставались ждать там отправки и отрабатывать свое содержание. Остальные после передышки должны были идти через Пески в Тидусс, вливаться в государство Жреца.

Сводной туринской армии, освобождающей Блакорию, пришлось разделиться на три рукава. Один ушел на север страны, к горам, выкуривать и уничтожать те почти тридцатитысячные отряды, которые подчинились жрецам. К горам пошел и Мартин фон Съедентент, и Гуго Вьертолакхнет. Второй рукав блакорийской армии – потянулся цепочкой отрядов по границе Блакории и Инляндии, чтобы ловить и либо брать в плен, либо уничтожать группы, до сих пор бегущие с территории Инляндии от наступающих дармонширских войск. И третий продвигался вперед к столице, постепенно распадаясь на отряды конвоиров, потому что то и

дело встречал желающих сдаться в плен. В столице армию Блакории ждал с остатками войск тиодхар Виса-асх, который должен был отправиться в Тидусс с последним сдавшимся отрядом.

В ставке блакорийских войск до сих пор не могли отойти от удивления оттого, как быстро все разрешилось. Их предупредили по рудложским и бермонтским каналам, что иномиряне присягнули Жрецу и готовы на капитуляцию, но для измотанных долгими боями войск и настроившегося на затяжное освобождение страны командования это звучало сомнительно.

И благо, что связные на раньярах, отправленные Виса-асхом сообщить противнику о капитуляции, летели, держа на палках белые полотнища – иначе их бы приняли за атакующих и накрыли бы из гранатометов.

А так подождали, пока они сядут на поле в паре сотен метров от ставки, спрятанной в перелесце, пока пойдут к блакорийским войскам с полотнищами наперевес – и выслушали послание Виса-асха, зачитанное со свитка. И согласились гарантировать ему безопасность – чтобы он мог прилететь сам, обсудить условия капитуляции и подписать договор о сложении оружия.

И теперь, после подписания, по дорогам Рудлога шли многосотенные отряды иномирян – кто на охонгах и тха-охонгах, но большая часть – пешком. Людей в селениях, мимо которых они проходили, предупреждали не высовываться: мало ли у кого из иномирян в голове перемкнет и он направит инсектоида на мирных жителей. Однако то ли враг был действительно сломлен морально, то ли все пленные понимали, что их убьют тут же, но эксцессов пока не было.

На раньярах, которые в перерывах между грозами двигались до перевала между Рудлогом, Песками и Йеллоувином под присмотром листоветов, а за ним – драконов (листоветы в горы подняться не могли), в Тафию относили слабых и раненых. Командованию блакорийской армии пришлось принять условие Вечного Ворона не уничтожать инсектоидов – хотя теперь у иномирян оставалось грозное и опасное оружие. Но что делать, веление бога, подкрепленное приказами правителей.

Несмотря ни на что, процесс очищения Блакории, хоть и грозил затянуться, был запущен. Совсем немного оставалось времени до того, как в Рибенштадте, столице Блакории, не останется ни одного иномирянина. И коронационная Арена ждала тех, из кого будет выбран достойный короны.

Смотрела на надвигающуюся грозу, сидя на скамейке, укутавшись в плед, и Алина Рудлог. Она была в пижаме Макса, держала в руках кружку Макса. И слушала шум дубов, что волновались, предчувствуя ветер.

А когда он завыл, закричал, и ударили по крыше тяжелые первые капли, и затрещала над головой молния, принцесса скинула плед и раскрыла крылья. И поднялась в грозное небо.

Она пролетела сквозь тучи – и молнии, бившие вокруг, не тронули ее, хотя тело пощипывало от электричества, а сердце колотилось как безумное. Она вылетела выше, увидев заходящее солнце, и еще выше, и еще, в прозрачное небо, над перекатами зарниц в громаде туч, туда, где уже сложнее становилось дышать – и вновь испытал все тот же ужас, какой испытывала каждый раз, делая это, сложила крылья и рухнула вниз.

Она летела – и чувствовала, как обжигает тело холод. Она летела сквозь тучи – и видела, как коконом окутали ее зеленоватые, фиолетовые разряды, как комету, как падающую звезду. Она неслась вниз в плотной пелене дождя – и крылья раскрыла над самой крышей. И заметила, как дубы потянулись к ней ветками, будто желая помочь, поймать, защитить.

Был ли в ее полетах смысл? Делала ли она это для того, чтобы вернуть Макса – или теперь, когда столько попыток было за плечами, затем, чтобы однажды не успеть раскрыть крылья?

Промокшая, она прошла в дом. Вновь сделала себе молока, вновь пошла в горячий душ.

В конце концов, Четери говорил, что если бить в одну точку, любая преграда рухнет. Вот и ей пока только и остается, что бить.

А над столицей Инляндии, глядя на накатывающую со стороны Блакории грозовую ячейку и ощущая, как начинают вибрировать потоки родственной стихии, кружил в змеином обличье герцог Дармоншир.

Столица была почти свободна. День назад вошли в Лаунвайт передовые отряды дармонширской армии, и Майлз уже разместил свою ставку в здании покинутого министерства обороны.

Армия с продвижением вперед только увеличивалась – в нее по десятку, по сотне человек вступали партизанские отряды, которые по мере сил вели подрывную деятельность в тылу врага. Но Люк знал, что многие из этих отрядов за время войны были ополовинены, а то и уничтожены: иномиряне пленных брали крайне редко и относились к ним со звериной жестокостью.

Узнавая все это – истории о том, как враги убивали, пытали, насиловали, издевались, – Люк иногда думал, что королева Василина права, и не место этим людям на Туре. Что всех их надо либо уничтожать, либо отправлять обратно на Лортах, предварительно заставив лет десять отработать, своими руками восстановив все, что разрушено. Но боги... боги смотрели дальше, чем люди. Во всяком случае Люк на это очень надеялся.

Шла зачистка, проверка каждого дома, каждого подвала – на предмет спрятавшихся иномирян и оставленных ими взрывоопасных ловушек. Скоро задымят на улицах полевые кухни и организуются пункты выдачи пайков, а большие машины будут возить для оставшихся жителей цистерны с питьевой водой. Подтянут генераторы сначала к одному госпиталю, сюда доедут врачи – а может, и из оставшегося населения кто-то откликнется на зов – и жители, не успевшие или не сумевшие сбежать, выжившие под властью иномирян, получат медицинское обслуживание. Дойдут сюда инженерные службы – и вновь заработают и водопровод, и канализация, и газовые сети.

А армия продолжит зачищать и Лаунвайт и область вокруг него. И когда зачистка закончится, нужно будет проводить коронацию.

Времени оставалось все меньше. Люк, испытывая от освобождения территорий яркое, почти хищное удовлетворение, сейчас смотрел на круглую Арену, поднимающую свои колонны и ступени на одном из холмов туманного Лаунвайта. На ней никогда не лежал туман, а серебристый ветер обтекал ее по кругу, как большой змей, струился меж колонн, играя колоколами, подвешенными меж ними. Сейчас почти все они были сорваны иномирянами.

В эти колокола звонили служители, сообщая городу и миру, что новый Белый король избран и благословлен.

Арена не была защищена от врага, и пусть над ней все еще посверкивал погодный купол, внутри, на мраморных белоснежных плитах, которыми она была выложена, виднелся мусор, уродливые пятна от костров, трещины от огня. Статуя Инлия лежала на боку, чудом не разбившаяся, опутанная веревками – видимо, иномиряне уронить ее уронили, а что дальше делать, не знали.

Люк спустился ниже, ветром залетел через проход с выбитыми высокими дверями, обернулся человеком на белом мраморе. Здесь пахло гарью и нечистотами, а уцелевшие колокола, подергиваемые ветром, позванивали гулко и тоскливо. Его светлость оглядел высокие трибуны, создающие полное ощущение, что он находится на дне чаши. И, пошевелив руками, подхватил статую Инлия ветрами, поставил ее на хвост – почти пять метров в высоту, – сорвал веревки. А потом, ветром собрав весь мусор с Арены, выкинул его через проход на холм.

Уберут, когда будет время.

Захотелось курить, но тут, под задумчивым, будто слегка улыбчивым взглядом Инлия Белого, удерживающего в одной руке человеческое сердце, а в другой – вихрь, Люк не решился.

Грязь и вонь тут раздражали его до невозможности. До желания найти тех, кто это все сделал, и размазать кровавыми пятнами.

Люк выдохнул, осмотрелся, перестроив зрение так, как он делал, чтобы видеть ауры, нашел пятна удерживающих погодный купол артефактов и задумался. Покачал головой, протянул руку, поглаживая скользкие по ней ветерки и проговорил:

– Мне нужны помощники.

Тут же у руки его материализовалась крылатая серебристая змейка, затем вторая. Третья. Они обвили его руки, поползли вверх, к шее, словно выпрашивая ласки.

– Можете блокировать погодные артефакты? – попросил Люк, почесав под пастью одну, другую. – Пусть гроза смоем тут все. Как станет чисто, разблокируете.

Змейки зашипели-запищали и рванули во все стороны, скрываясь под трибунами. Их уже было не три – под десяток, они проявлялись у Люка, терлись об него и улетали. Герцог видел, как гаснут потихоньку натягивающие купол нити, и сам он гаснет. В лицо ударил плотный, более ничем не удерживаемый ветер, звонче стал звук колоколов – сейчас он казался мстительно-торжествующим. Небо серело, наливаясь свинцом, и тяжелая, темная туча уже наполнила на окраины Лаунвайта. Люк подставил лицо ветру и усмехнулся. А затем осекся, помотав головой. И все же полез за сигаретой.

– Мне же не нравится чувствовать себя здесь хозяином? – спросил он себя со смешком. И вновь не закурил, глядя на Инлия и катая в пальцах сигарету. Непонятное было в лице первопретка – то ли знакомая Люку насмешка, которую он часто видел в зеркале, то ли укор, то ли предвкушение. И мощь ощущалась такая, что герцог ощущал себя глупым маленьким щенком, который желает тыкнуть в ноги большому вожаку и скулить-умолять не делать того, чего ему не хочется. Но его светлость удержался.

– Ты все сделаешь, как нужно, Великий, – проговорил он наконец. И поклонился. – Уверен, ты выберешь того, кто достойнее. А я прошу тебя дать мне прожить свою жизнь. Это единственное, чего я хочу.

Загромыхало, застонали в ответ грому колокола, а Люк, сунув сигарету обратно в пачку, вновь обернулся и взмыл в воздух. По морде его, по перьям и телу ударили тугие, секущие струи ливня – и он, заклекотав и зашипев от удовольствия, несколько раз кувыркнулся в них и увидел, как плотный поток дождя взбивает на Арене гарь, что расползается кляксами и течет по пожелтевшему мрамору к трибунам, туда, где заложена канавка для воды. Как умывают потоки Инлия Белого, и он, кажется, светится и улыбается, наполняя воздух благостью.

Люк покружил еще над городом – над Холмом Королей с разрушенным взрывом мавзолеем и серебристыми потоками, поднимающимися там от могилы Луциуса и его предков. Здесь, на холме, рождались ветра. Пролетел его светлость над Храмом всех богов, почти скрытым в пелене дождя – скоро придется встретиться с Его Священством, который все дни войны нес свою службу в храме, помогая оккупированному городу, и согласовать дату коронации. Вильнул над королевским дворцом – мелькнула мысль навестить тетушек-змей, но герцог не хотел слышать того, что они могли ему сказать. Он завершил круг, испытывая то же ласкающее чувство удовлетворения, что чувствовал каждый раз, как его люди освобождали еще одно графство Инляндии. И направился к Майлзу – чтобы отчитаться о том, что видел над городом и севернее к Блакории, а затем лететь домой. Тамми, по всей видимости, еще не вернулся – он улетел ближе к границе с Рудлогом.

– К нам вышла крупная группа партизан, – сообщил Люку Майлз после доклада. – Они помогали жителям столицы – выводили через леса семьи с детьми, приносили еду, уничтожали небольшие группы иномирян, что патрулировали леса. И знаете, кто у них командир?

– Кто? – Люк наконец-то закурил, и ему стало хорошо вдвойне.

– Лорд Дэвид Розенфорд.

Дармонширу понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить имя из довоенной жизни.

- Начальник отдела безопасности Инляндии? Жив?!
- Жив, но сильно покалечен, – предупредил Майлз. – Он хочет с вами повидаться.
- Я тоже хочу, – признал Люк. – Где он сейчас?

Лорд Дэвид и его люди находились в том же здании, что занял Майлз. Люка проводили на первый этаж, провели по коридору в большую залу, в которой тихо переговаривались люди. Грязные, заросшие – тут пахло застарелым потом, грязью и влажной землей, и одежда у всех была грязно-выцветшей. Людям разносили супы, и несколько десятков изможденных мужчин и женщин торопливо, тихо ели, лишь изредка перебрасываясь фразами.

Навстречу Люку тяжело поднялся человек, и Дармонширу стоило больших усилий не отступить. Холеный и суховатый лорд Дэвид обзавелся бритой головой, тяжелым взглядом, шрамами и следами от ожогов с одной стороны лица. А еще у него не было кисти левой руки. Судя по скованным движениям, шрамы и ожоги лицом не ограничились. Но спину он до сих пор держал прямо и смотрел с уверенностью высшего аристократа.

– Рад, что вы живы, лорд Розенфорд. Я виделся с Альфредом Дьерштелохтом, – сказал Люк, протягивая ему руку для рукопожатия. – Он сказал, что вы погибли.

– Он был недалеко от истины, – криво усмехнулся лорд Дэвид. – Меня, когда мы организовывали побег, схватил охонг, но жрать не стал, кинул в сторону, проткнув мне все, что можно было проткнуть. Я умирал почти двое суток, когда на меня наткнулись люди, убегающие из пригорода Лаунвайта. Среди них оказался виталист. Но выйти мы уже не смогли – везде были иномирные. Пришлось окапываться и выживать здесь.

– Повезло, – искренне сказал Люк. – Что после такого вы потеряли только руку.

Розенфорд усмехнулся, отчего шрамы натянулись, и лицо перекосилось.

– Руку мне отрезали до этого. В плену, ваша светлость. Но да, мне повезло, кого-то они... – он махнул рукой и прикрыл глаза. – Поэтому, – он не стал ждать, пока Люк что-то скажет, – я хотел сказать спасибо, Дармоншир. Я вас недооценивал.

– Я себя сам, признаться, тоже, – отозвался Люк. Оглядел людей, которые доедали, глядя на него с надеждой и признательностью. – Вот что, лорд Дэвид. Здесь уже доработает армия. Майлз всех, кому требуется помощь, отправляет к нам в госпиталь в Вейн или в Виндерс. Я сейчас договарюсь насчет листолета, и вас утром доставят к нам. Не будем ждать, пока тут восстановят арки телепортов. Вам очевидно нужен отдых и лечение. И вы мне пригодитесь. Вы даже не представляете, как мне нужны люди, которые разбираются в том, как это государство функционировало при короле Луциусе.

Розенфорд не стал долго думать.

– Не могу отказаться от вашего приглашения, Дармоншир.

– Буду рад вас видеть у себя, – искренне сказал Люк.

Когда его светлость летел обратно, темные тучи расступились над ним. И высоко-высоко в темном ночном небе он снова увидел сияющие глаза гигантской змеептицы.

«Два дня, мой великий брат по отцу, – проговорил его светлость и просительно вильнул хвостом. – Еще два дня. Я приду, как обещал».

Тучи сомкнулись – и он полетел дальше, к Вейну, где давно уже наверняка спала Марина.

Марина, ночь с 6 на 7 июня, Дармоншир

– Итак, мой любезный супруг, – сказала я с удовольствием. Мой голос рассек ночную тишину и отразился от стен. – Что ты натворил на этот раз?

Вопрос был здравый: минуту назад я проснулась от колебания воздуха у лица, и сквозь полуприкрытые веки увидела, как всколыхнулись занавески и влетел в комнату мерцающий

серебром и перламутром поток ветра. Обернулся человеком и затаился, глядя на меня. А затем поплыл над полом в сторону ванны. Чтобы не скрипеть. От удивления у меня сон как рукой сняло. И не из-за того, что я все лучше различала потоки стихий, особенно в расслабленном состоянии, а из-за того, что Люк явно что-то скрывал.

Где-то далеко над морем гремела гроза, но у нас в окна светила луна. Любезный супруг, услышав мой вопрос, замер, опустился на пол, а затем повернулся ко мне. И по тому, как он чуть вздохнул, я поняла: сейчас будет врать.

– Все в порядке, просто не хотел тебя будить, детка, – проговорил он с хриплым смешком. Я видела только его силуэт, освещаемый убывающей луной, да чуть поблескивающие глаза.

– Ты от меня прячешься уже третий день подряд, – напомнила я иронично. И зевнула, прикрыв рот ладонью. – Мы с тобой один раз встретились за обедом, и ты тут же убежал. Я засыпаю – тебя еще нет, я просыпаюсь – тебя уже нет. А я, признаться, уже привыкла обниматься с тобой по утрам и к тому, что у меня есть тот, кто потрет мне спину в душе. Что случилось, помимо очевидного – того, что ты занят восстановлением Инляндии? Ты обнаружил десяток внебрачных детей и теперь решаешь их судьбы? Ты снова сломал ногу и боишься меня расстроить? Тебя тайно короновали, и ты привыкаешь ходить по дворцу Инландеров в мантии и со скипетром?

Люк аж передернул плечами, засмеялся. Расстегнул верхние пуговицы рубашки, обошел кровать, присел рядом со мной. От него пахло табаком, почти выветрившейся туалетной водой, немного – ветром и прохладой, и, едва заметно, – потом.

– Непростой день? – сонно спросила я, подныривая под его руку как кошка.

– Пришлось побывать в куче мест и принять кучу решений, – ответил он. – Тяжело отдыхать, пока у нас в Инляндии есть те, кому еще нечего есть. Устал невозможно.

– А любимая жена подозревает в нехорошем, да? – засмеялась я.

– Меня это, наоборот, взбодрило, – признался Люк расслабленно. Он гладил меня по голове медленно, лениво, от пальцев его пахло табаком, и я щурилась, вдыхая этот запах. – В твой день рождения отдохну. Благодаря тебе у меня есть легальное оправдание безделью.

– Отдохнешь, как же, – проворчала я. – Небось воспользуешься случаем, чтобы обговорить со всеми торговлю.

– А как же, – отозвался он. – Есть свои плюсы в том, что моя жена – сестра королев Туры.

– И одной Владычицы, – так же ворчливо поправила я.

– И одной Владычицы, – согласился он. – Посидим по-семейному, порешаем проблемы планеты...

Я фыркнула.

– Тебе это не нравится? – спросил он осторожно. – Можно обойтись и без политики с экономикой на твоём празднике.

– Да нет, – пробормотала я, прикрыв глаза. – Я же с детства в этом: когда мамин день рождения – это повод для политической встречи, десятка торговых сделок, союзов и деклараций, а день рождения кого-то из семьи – повод открыть госпиталь или приют. Просто... потом мы всегда праздновали семьей, очень узким кругом. И в остальное время мама всегда старалась уделять нам время, даже иногда в ущерб государственным делам. Она старалась завтракать с нами, расспрашивала, что мы планируем делать. Почти все ужины мы тоже проводили вместе, когда не было государственных визитов, конечно. Раз в две недели на выходные мы обязательно уходили куда-нибудь либо в особняк в Милокардерах, либо на море в имение Лазоревое, либо в горы покататься на лыжах. У Васи сейчас примерно так же заведено. Мама всегда говорила – главное, расставить нужных людей так, чтобы никто и не заметил, когда ты пропадешь, чтобы система могла и без тебя функционировать годами. Но, видишь, чего-то она не учла, раз эти же люди поддержали Смитсена и ограничение ее власти. Так что все в порядке. Меня политика

на моем дне рождения даже скорее веселит. Но хотелось бы и вдвоем отметить. Где-нибудь. Понимаю, что не в этом году...

– Не в этом, – подтвердил Люк чуть виновато.

– И это правильно, – серьезно сказала я. – Праздник посреди разрухи, когда людям требуется наша помощь, – это не очень хорошо.

– Поэтому мы и собираемся по-семейному, – в тон мне ответил он. – Если бы не война, я бы тебе устроил трехдневную феерию.

– Ты можешь, – я с нежностью потерлась о его руку. И тут же, пока он не опомнился, перевела тему. – А что ты мне подаришь?

– А это, – ответил он с хриловатым смешком, – сюрприз. Осталось подождать день и ночь, Маришка. Обещаю, тебе понравится.

– Так это ты из-за этого пропадаешь? – осенило меня. – Правда, Люк? Ну хоть намекни!

– Я не скажу больше ни слова, – непреклонно ответил он и пощекотал меня под грудью, погладил живот. – Имей терпение, детка. Так же неинтересно.

Я показала ему язык в темноте, и он усмехнулся.

– Засыпай, – попросил он. – Я в душ и к тебе. Завтра тоже рано улетать.

– Вот полечу за тобой и прослежу! – пообещала я.

– Нет, – усмехнулся Люк. – Тебе будет лень.

– И правда, – я зевнула. – Иди, мой таинственный муж. Мы с детьми ждем тебя в этой теплой кровати.

Я успела снова задремать, когда Люк снова опустился на кровать. Он обнял меня со спины, я скользнула рукой назад – погладить его по бедру, коснулась пижамной кофты... и чем-то заклеенного живота.

– Поцарапался об оружие в ставке у Майлза, не успел дойти до виталиста, – прошептал он раньше, чем я успела спросить. – Спи, Маришка. Завтра мне снова в Пески.

И я заснула. В конце концов, какие бы секреты у Люка сейчас ни были, он точно бы уже не сделал ничего, что могло задеть меня. Так что пусть. Все равно признается.

Утро 7 июня, Марина

Рано утром я слышала, как собирается Люк – он тихо склонился над кроватью, поцеловал меня в висок: я почувствовала свежий запах зубной пасты и терпкий – туалетной воды, – сказал «я опять буду поздно» и ушел в гостиную, откуда уже пахло кофе и тостами. Он вставал так рано, что весь замок еще спал, и предпочитал не спускаться в столовые.

Мелькнула мысль накинуть халат и выйти к нему, проводить, но так сонно было мне, так нежно ласкал лицо ветерок из окна, свежий, напоенный озоном – гроза во второй половине ночи все же дошла и к нам, – что я лишь перевернулась на другой бок, потянулась сладко, подгребла к себе Люкову подушку, обняла ее и снова задремала.

Второй раз я проснулась уже когда сквозь открытое окно лился солнечный свет, а с улицы раздавался лай Бобби и смех детей. Я снова закрыла глаза, улыбаясь. В спальне было тихо – а снаружи больше не было страха, там был мир. Наверное, я никогда не перестану упиваться этим.

Дети лениво шевелились в животе, как будто тоже ощущали ту же негу, в которой плыла я. Но вот кто-то требовательно стукнул пяткой изнутри, второй... Я засмеялась и положила руку на живот.

– Отца на вас нет, – строго сказала я. Поначалу, когда я только поймала себя на разговорах с мальчишками, я казалась сама себе какой-то сюсюкающей безумицей. А сейчас ничего, привыкла, как так и надо было. – Сейчас встану, подождите, мама ленится, маме еще хочется полежать... а вы, видимо, уже проголодались?

В ладонь снова ударили, но полегче – кажется, им нравилась близость брачного браслета. Я кинула взгляд на тяжелые часы, что стояли на комодке рядом со входной дверью. Они показывали почти одиннадцать утра. И я снова раскинулась на кровати, жмурясь и нежась. Конечно, надо вставать – уже наверняка ждут меня дела герцогства, а затем – осмотры. С Лор-таха то и дело возвращались группы заложников, и очень много было инляндцев и блакорийцев. Их принимали в Песках, предоставляли первичную медицинскую помощь, опрашивали, тщательно записывали все их показания, – а после отправляли в те страны, откуда их угнали. И в Инляндию они возвращались через портал замка Вейн.

Проблема была в том, что половина Инляндии еще не была освобождена, да и Блакория пока еще не была отфильтрована целиком. Значительной части людей некуда было возвращаться, да и на освобожденных территориях часть домов стояла разрушенной. Я создала комитет помощи бывшим заложникам и теперь ежедневно курировала его. Временно мы поселяли прибывших в лагере беженцев на берегу моря в Реджтауне: за период войны он разросся так, что городок увеличился втрое. Но все хотели вернуться домой.

Работа шла быстро – у людей узнавали адрес, подчиненные Леймина слали запрос в военную комендатуру того города, в котором находился дом бывших заложников, его проверяли на целостность, и если все было в порядке – людям выдавали паек на первое время, талоны в комендатуру и семена на засев, и попутными военными машинами, курсирующими туда-сюда, развозили по домам.

Я все-таки встала и подошла к окну. Меж деревьев носился Бобби, за ним и от него, повизгивая, бегала детвора под присмотром нянь. Леди Лотта общалась о чем-то с Катей, сидя на недавно появившихся качелях – свекровь велела замковому плотнику соорудить для нашего стихийно появившегося детского сада целый детский комплекс с десятком качелей, лестницами, горками и так далее.

– И для внуков пригодится, – проговорила она, и я кивнула, улыбаясь. Пока я плавала в беременном послевоенном расслаблении, а Люк занимался делами герцогства и освобождаемой Инляндии, свекровь постепенно меняла замок под будущих Люковичей, словно что-то подозревала заранее. Хрупкие вазы, стоявшие на столиках в коридорах, поднимались повыше, сами столы менялись на другие, потяжелее. В розетках начали появляться заглушки.

Один раз я встретила ее на лестнице, что-то объясняющую Тиверсу и Россу Ольверту. Маги слушали ее с большим почтением и кивали.

– И желательно, чтобы эти артефакты были готовы к зиме, – закончила она. Обернувшись, увидела меня и улыбнулась. – Я прошу подготовить и укрепить артефакты, которые растянут за перилами воздушные сети, Марина.

Я посмотрела вниз. Широкая лестница в замке шла по стенам, оставляя посередине пустоту шириной метра в три, в которую были видны ступени центральной лестницы, поднимающейся из холла на первом этаже. Но перила были высокие – вряд ли дети в первые годы смогут подтянуться и перевалиться... А деток из приюта наверх не пускали – во избежание побегов маленьких постояльцев в коридоре у «детского сада» всегда дежурил охранник.

– Вы не слишком перестраховываетесь? – аккуратно спросила я ее, когда маги удалились.

– О, поверь, – леди Лотта взяла меня под руку, и мы направились вниз, – ты еще скажешь, что этого недостаточно. Я слишком хорошо помню детство Люка, Марина. Берни и Рита вдвоем не принесли мне столько головной боли, сколько он один. Знала бы ты, сколько раз он пытался самоубиться, стоило на мгновение отвести взгляд!

Встреченные горничные, натиравшие статуи в нишах и подсвечники, делали книксены. Замок жил и тихо гудел множеством голосов.

Я подавила смехок.

– Смотрю, с тех пор ничего не изменилось.

– Увы, увy, – свекровь тоже улыбунулась и одновременно покачала головой. – Ты собралась прогуляться?

– Да, Осокин ждет внизу.

– Я составлю тебе компанию, если ты не против. Нужно обсудить, как делать детскую.

– Драгоценная моя свекровь, – проговорила я торжественно, – умоляю, решите с детской все сами. Я не готова подбирать цвет обивки кроваток.

– Я сейчас решу, а тебе потом не понравится и придется переделывать, – не поддавалась она на мой жалобный вид. – На складах Вейна многое есть. Но нужно понимать, что будет удобно именно тебе.

– Откуда я знаю, – проворчала я, – я первый раз рожаю. Могу вспомнить, как было все устроено у младших сестер и у племянников.

– Вот и славно, – безмятежно улыбунулась свекровь. – Сейчас вспомнишь, обсудим, а затем к тебе придет Ирвинс, и ты выдашь ему все рекомендации. Пожалей бедолагу – Люк приказал ему начинать готовить под детскую соседние с вами покои, а он не знает, к чему как приступить.

– Ну разве что ради Ирвинса, – капитулировала я.

Сейчас, стоя у окна, я прислушалась. Стены в Вейне были толстые и звуков почти не пропускали, но в соседних покоях действительно что-то едва слышно скрежетало и жужжало.

Впрочем, было у меня подозрение, что жить дети первый год-полтора будут с нами. Моя мама меня держала рядом с собой дольше всех – до двух лет, потому что я устраивала такие истерики при попытке перевести меня в детскую, что дворец дрожал. И только то, что мама забеременела Полей, заставило ее-таки выселить меня туда.

Тогда мне подарили первого Бобби, и только из-за него я согласилась в детскую переехать. Мне разрешили с ним спать. Боб-первый умер от старости, когда мне было четырнадцать, и я так рыдала, что собак мы больше не заводили.

Я посмотрела в окно на Боба Второго, который бегал между дочерьми Кати, бросающими друг другу и ему мячик, и покачала головой. И улыбунулась, вспоминая, как он у меня появился.

Катя действительно приехала гостить к нам с детьми, и я была этому очень рада. Я сама встречала ее у телепорта чуть меньше недели назад, и когда провожала ее к их покоям на третий этаж, она с удовольствием оглядывалась вокруг, держа девочек за руки.

– Какой мощный и добрый замок, Марина, – сказала она тогда. – Как будто сам по себе артефакт. Он дает чувство безопасности, да?

– Да, – засмеялась я и погладила стену замка ладонью. – Хотя иногда я думаю, что дело не в замке, а в его хозяине.

– Или в хозяйке, – заметила Катя, и я только улыбунулась. Не стала спорить. Она была права – я тоже сделала многое для того, чтобы Вейн остался несокрушимым.

С каждым днем война отступала все дальше. Я слышала о том, что еще продолжают столкновения на Юге Рудлога у Милокардер и на севере Блакории, в узкой области у Северных гор, что столица уже почти очищена, и наши войска идут дальше, отлавливая и уничтожая небольшие группы тех иномирян, кто решил не сдаваться. А сдавалось большинство. К нам иногда поступали группы наших раненых, но их было куда меньше по сравнению с военными временами. И на первый план выходили проблемы мирного времени, его горести и радости.

И праздники.

Подумать только, мне завтра двадцать четыре! И как же за год поменялась моя жизнь... да у всех нас поменялась.

– А как она поменялась за восемь лет, – пробормотала я, глядя в окно, а видя внутренним взором мои конюшни во дворце Рудлог, и маму, и юных сестер, и слыша звуки выстрелов, и вспоминая Смитсена, кровь, страх, смерть.

«Угу. И вот ты здесь и уже беременна двойней».

– Ты скоро совсем пропадешь, да? – прошептала я, переводя взгляд на море – так хороша была погода, что даже остовы судов, торчащие вдоль берега, не портили его мирный вид. На горизонте вновь разворачивалась гроза.

«Скорее всего. Ты сильно повзрослела. Мы с тобой становимся одним целым».

– Или я опять схожу с ума, – засмеялась я.

Что же Люк за сюрприз такой мне приготовил?

Слева и справа за замковым лесопарком зеленели поля. Сейчас в замке гостили только Катя с детьми да изредка заглядывали Март с Викторией. Но уже сегодня должны были вновь прибыть из Песков драконы – и расселиться на год по Инляндии. А младший брат Нории останется здесь, в Вейне, чтобы увеличить плодородие окружающих земель. Я знала, как ждет Энтери Таисия, так и работающая в госпитале на должности санитарки и ухитрявшаяся еще и леди Шарлотте помогать с детьми-сиротами. Впрочем, детей опекал чуть ли не весь замок. Я сама почти каждый день заходила к ним и понимала, что их будущее ложится не только на плечи свекрови, но и на наши с Люком.

А сколько еще сирот окажется на территории Инляндии, когда она, наконец, будет зачищена окончательно?

Мы с Таисией не стали подругами, но общались как коллеги – она в госпитале была незаменима, и я знала, что с Энтери они почти месяц видятся урывками – как улетел он к Драконьему пику с Таммингтоном. У нее была работа здесь, он помогал восстанавливать Пески брату. Иногда она брала выходной – или Энтери приходил сюда телепортом, и тогда я видела, как мелькают меж деревьев парка его яркие волосы, когда он, крепко держа жену за руку, гулял с ней. Мне было приятно смотреть на их такие простые и понятные чувства, на спокойную и очень добрую любовь. От них обоим веяло добротой.

И я была рада, что Энтери будет жить у нас в Вейне и дальше.

Люк использовал все возможности получить урожай. Чуть больше недели назад я наблюдала на тех полях у Вейна, которые сейчас уже подернулись зеленой дымкой, огромных и чудовищных тха-охонгов, что двигались, таща за собой большие бороны. С четвертого этажа замка, издалека они казались не больше жуков.

Тогда я попросила у дежурящего у моих покоев гвардейца бинокль и вышла на балкон.

Твари были одновременно совершенны и омерзительны, на их спинах сидели всадники – я знала, что иномиряне управляют инсектоидами не только каким-то рычагом на загравке, но и ментально, и у меня холодок пробежал по спине, когда я представила, что какой-то из них сорвется и понесется к замку. Или к городку. Люк говорил, что вынужден рисковать во избежание массового голода, и что на каждой посевной, где используются пленные и инсектоиды, обязательно стоят конвоиры с автоматами и парой гранатометов. Но было все равно страшненько.

Однако, надо признать, все окрестные поля они вспахали за два дня и ушли куда-то в сторону графства Мелисент. Один, правда, так и остался на поле неподвижной грудой.

– Они постепенно все подохнут, – объяснил мне Люк, когда я спросила у него. – Они не живут долго, так что используем, пока возможно.

Это действительно обнадеживало.

Но что же за подарок он скрывает?

Я улыбалась, чувствуя себя ровно так, как ощущала перед своим шестнадцатилетием. Что мне подарят? Как пройдет мой первый выход в свет, как пройдет бал в честь моего праздника? Я долго просила у мамы белого тидусского скакуна, и надеялась, что найду его с утра в конюшнях.

Он действительно оказался там. Я назвала его Облако, но мы даже не успели привыкнуть друг к другу – он погиб с другими лошадьми в пожаре на конюшнях при перевороте.

Я мотнула головой, отгоняя призрак горя. Все хорошо. Мы живы, мы пережили войну, и мама бы однозначно нами всеми гордилась.

Дети зашевелились, отвлекая меня от эмоций, требуя еды, и я, вынырнув из глубин памяти, уже собралась идти в ванную, когда увидела, как со сторон фортвов движется к нам грузовой эмиратский листолет. Значит, снова привезли людей, которым нужна помощь. А значит, и я пригожусь.

Глава 2

7 июня, Тафия, Люк Дармоншир

Мрачных мужиков, вооруженных до зубов как огнестрельным оружием, так и холодным, у входа в портал на Лортах собралось несколько сотен, и они все прибывали и прибывали. Большая часть по воздуху, на своих крыльях, меньшая, потерявшая свою половинку в боях на Лортах, – через телепорт-арку, которую предоставил Владыка Четерии.

Люк три дня назад получил от Ренх-сата письмо о том, что лазутчики генерала на Лортах подтвердили: в прокнесиях собирают пленных туринцев, дабы гнать их обратно к порталу. Оставалось только надеяться, что хитрость не раскроют: для этого в Тафии вылетающих из портала иномирян с Нижнего мира, которых отправляли на проверку приказов, отданных замороченными жрецами, сразу же перехватывали драконы. Пленных тут же допрашивали о причине прилета, а итоги допросов Владыка Четерии передавал Нории и Люку – так становилось известно, до каких точно провинций жрецы, опоенные и ментально перепрошитые Ренх-сатом, уже добрались, и где оказались самые недоверчивые служители и правители. Заодно выясняли у задержанных про быт и политическую обстановку, слухи, вооружение и армии прокнесий, и влиятельные роды – короче, все, что могло бы дать преимущество, если возникнет необходимость отправлять туринскую армию на Лортах.

Жрецов и лазутчиков поили отваром из травы хешосиз и отдавали Ренх-сату, который внушал им, что бой на Туре до сих пор идет и богам действительно нужны в жертву угнанные туринцы.

Не все получалось гладко – пару раз попались очень подозрительные лазутчики, которые, едва высунув нос в портал, тут же бросились обратно.

«Здесь их смочь перехватить, – писал Ренх-сат, – потому что я выставить тайные патрули, которые готовы перехватить и на земле, и в небе. Однако нужно придумать что-то, чтобы они не успевают прыгать обратно в портал».

Люк поделился проблемой с Норией, а тот подумал-подумал, и вновь попросил о помощи волшебный терновник, щедро напоив его своей кровью. Щит с портала был снят, чтобы жрец на раньяре, стукнувшись об него, не сбежал быстренько обратно. А вот терновник оплел пространство вокруг бывшей обители куполом с большими, словно прорванными дырами, сквозь которые не разглядеть сразу было мирное течение жизни вокруг. И едва из портала появлялся кто-то пеший или верхом на инсектоиде, распознаваемый духом как лорташец, терновник выжидал, пока они удалятся хотя бы на пару метров от портала, и хватал их побегами. А уж тех, кого упускал он, принимали драконы.

И вот, после того как стало известно, что план по возвращению угнанных туринцев заработал, информация была передана в Тидусс Корвину Черному, и в Тафию стали прибывать дар-тени.

Владыка Четерии велел отдать пару десятков ближайших к холму домов из тех, что уцелели, под координационный штаб международных войск и перевалочную базу, в которые сейчас и заселялись в ожидании своей очереди дар-тени.

– Все равно все теперь будут шляться туда-сюда, – сказал Владыка Тафии, – так пусть это хотя бы будет организованно.

Местные жители, покумекав, организовали стихийный небольшой базар на склоне холма, не занятом палаточным госпиталем для прибывающих заложников (а они прибывали, пусть маленькими группками, по пять-семь человек, видимо, отыскиваемых людьми Ренх-сата в ближайших деревеньках). И теперь дар-тени гуляли меж лотков с лепешками, выпекаемыми тут же, между выкладываемым оружием (а некоторое даже покупали), а Люк смотрел на это все и понимал, что жизнь – она всегда побеждает и смерть, и предубеждение.

– Четери передал, что уже и наемники Ренх-сата, которые выводят к нам с Лортах туринцев, подходили сюда и пытались что-то купить или выменять. Попросил меня определить соотношение курсов, хотя золото и серебро всегда золото и серебро, – проговорил Нории. – Но я отдал приказ оценить чистоту лорташских монет. А Ренх-сат пишет мне и предлагает, когда закончится возвращение заложников, организовать рынок по обе стороны портала. Я сказал, что пока обойдемся рынком по нашу сторону, – и, увидев вопросительный взгляд Люка, он добавил, – я не могу гарантировать торговцам безопасность с той стороны. И защитить их не смогу.

– Найдутся отчаянные, которые пойдут под свою ответственность, – заметил Дармоншир.

– Тогда и решим. Сейчас рано об этом думать. Хотя Ренх-сат прав, что думает об этом наперед. Его обман все равно вскроется, как бы он ни хитрил, и рано или поздно о том, что их боги мертвы, а наш мир выстоял и с нами возможно не только воевать, но и торговать, станет известно по всему Лортаху. Выстоит Ренх-сат под напором других кнесов – и его землям грозит стать крупнейшим рынком в мире. А это налоги и подати, это плата натуральным товаром. Он хитер, и пусть очевидно не дипломат, а воин, последствия просчитывать умеет.

– Что нам и на пользу, и во вред, – согласился Люк.

Он знал, что Ренх-сат обещал за несколько дней перенести дар-тени к горам, где оставались люди, жившие под покровительством Вечного Ворона. А обратно им уже предстояло идти самостоятельно через вражеские земли.

Планировалось, что в портал будет ежедневно уходить отряд за отрядом – по сто дар-тени. Ренх-сат, имея двести раньяров, выделил двадцать из них на переброску, и за раз они могли перенести по восемь человек, из которых один был всадником – то есть всего по сто сорок бойцов за полет. Обрато раньярам предстояло тоже возвращаться не порожними – предполагалось усаживать на них слабых, женщин и детей, тех, кто может не осилить долгого похода. И, чтобы всадник не вздумал чего учудить, за спиной у него будет сидеть боец дар-тени. Места оставалось всего на шесть человек, а увести из убежищ в горах предстояло около сорока тысяч.

Если все пройдет нормально, то первые лорташцы, жители убежищ, появятся в Тафии уже через несколько дней – все же какое-то время понадобится, чтобы собраться тем, кто согласится уйти сюда, на Туру. И подданным Четерии предстояло их принять, успокоить, а затем переправить в Тидусс, в дома, которые для них возводили у столицы.

Люк и посмотреть-то на все это приехал только потому, что появилось в нем назойливое желание контролировать каждый этап.

– Я понимаю, что ты и Пески справишься с этим без меня, – объяснил он Нории, – но боюсь, что если не проконтролирую и упущу что-то важное, это приведет к необходимости вводить союзническую армию на Лортах. Наверное, я выдохну только когда последний туринец будет возвращен оттуда.

– Понимаю, – согласился Нории, – я сам поэтому же прихожу сюда. Хотя Четери вполне мог бы решить это все сам. Впрочем, он и решает, – и Владыка Владык кивнул и на базар, и на палаточный городок, – мы лишь наблюдаем.

Люк дождался, пока последний дар-тени войдет в портал. Над Тафией солнце уже клонилось к закату, и вооруженные, одетые в походные одежды бойцы с рюкзаками за спинами отбрасывали на вершину холма длинные тени.

Через полчаса из портала вышел один из ушедших, чтобы, как и было оговорено, доложить представителю сводного военного штаба, что все прошло штатно, всех дар-тени на той стороне посадили на стрекоз и они улетели. Теперь оставалось только ждать – выполнит ли Ренх-сат и часть договора о помощи в возвращении людей Вечного Ворона. Если да, что же, бывший враг действительно окажется полезным.

Нории периодически поглядывал на небо. Затем вопросительно повернулся к Люку.

– Я вижу, – мрачно отозвался Люк. – А когда не вижу, чувствую. И слышу. Они зовут меня к себе. Я им задолжал жизнь, Нории.

– Великий дух небес мудр, велик и не кровожаден, – проговорил Нории, не став спрашивать, как и почему образовался этот долг. – Я к нему не часто обращался, но он часть силы нашего отца-Инлия, а отец наш воплощение жизни и ее энергии. Поэтому и белые духи могут убивать, только защищая кого-то или что-то. Но все Великие духи любят почтение. Поэтому лучше бы тебе не откладывать, иначе он может потерять терпение. Они, конечно, сотрудничают с нами, если мы кормим их своей кровью, и подчиняются нам как наследникам богов. Но ты не король, Люк. Ты им не хозяин. И если зовут – надо лететь.

Люк покачал головой. Он не стал говорить, что уже десять дней как слышит и ощущает этот зов. И откладывает. Обдумывает, что делать. Что ему нужно еще немного времени, чтобы уложить все в голове. Он не хочет быть неблагодарным должником, который умолял помочь, когда нужно было, а когда надо отдавать долги – прячется, но и идти неподготовленным тоже сложно. И не объяснившись с Мариной.

– Завтра Вейн принимает гостей, сам знаешь. А послезавтра полечу.

– Как знаешь, – Нории склонил голову набок. – Но помни, что если не решаешь ты, могут решить за тебя.

Люк все же поднял голову и посмотрел в голубое, яркое небо, которое на его глазах провалилось в серебро и перламутр, открыв струящиеся с запада на восток и с юга на север потоки ветров. Вечная циркуляция атмосферы, вечный тысячеглавый змей – он тоже видел его, Люка, и стало на мгновение неудобно и стыдно, будто он, словно мальчишка, прятался под кроватью.

– Я прилечу, – пообещал он небу в который раз. – Еще немного времени. Я не прячусь. Я заканчиваю дела, мой великий брат по отцу.

Нории хлопнул его по плечу, но во взгляде его было и понимание, и сомнение одновременно.

Они успели быстро обсудить ближайшие планы с Владыкой Четерии – времени на трапезу с ним уже не было – и направились к арке-телепорту. С той стороны портала в Истаиле уже ждали тридцать драконов во главе с Энтери, которые должны были отправиться сначала в Вейн, а потом расселиться по Инляндии. Не на все графства и герцогства хватит, но достаточно усилить плодородность основных житниц, и следующий год страна переживет.

И они действительно ждали – с сумками-узлами, в которые собрали вещи, внимательные и спокойные. Был там и Энтери – он улыбнулся Люку, пожал ему руку.

– Мои братья, – проговорил Нории рокочуще, – с нынешнего дня вы поступаете под руку герцога Дармоншира, сына нашего отца Инлия. Я благодарен вам, что вы вызвались помочь, и знайте, что я этого не забуду. Жду вас через год в Истаиле.

– Спасибо, что согласились помочь народу Инляндии, – продолжил Люк и уважительно склонил голову. – Я знаю, как тяжело вам быть вдалеке от родной земли, тем более, когда вы так недавно обрели свободу. У моего замка, что называется Вейн, уже ждут листолеты и помощники, которые сопровождают вас до мест, где вы будете жить. Вас поселят в домах рядом с главами администрации, и дадут вам тех, кто будет обеспечивать ваш быт. В любое время я буду рад видеть вас в Вейне, и если понадобится навестить кого-то в Песках, вы тоже можете

прилетать в замок. По любому вопросу тоже обращайтесь ко мне. Вы даете жизнь Инляндии, а я сделаю все, чтобы Инляндия стала для вас гостеприимной хозяйкой.

Лица драконов, слегка настороженные, смягчились – а от Нории шло ярко осязаемое одобрение.

– Ну что же, братья по ветру, – проговорил Люк и повернулся к телепорту, который снова настраивал придворный маг Нории, – добро пожаловать в Вейн!

* * *

Энтери шагнул в телепорт одним из первых – и сразу увидел Тасю. И как всегда, разлилось у него в груди тепло от ее присутствия. Нежность и умиление – вот что чувствовал он рядом с ней.

И Тася, увидев его, улыбнулась, бросилась к нему, и он обнял ее сильно, потому что действительно очень соскучился. Невысокая, крепкая, любящая, идущая за мужем, смешливая – так хорошо ему было с ней, так уютно, что ему казалось, что они уже тысячу лет вместе. И любое дело она делала весело и живо, и одновременно с той хлопотливой серьезностью, которая отличает хозяек, у которых работа в руках горит.

Вокруг проходили в телепорт-зал его соплеменники. Встречала всех хозяйка замка Марина, необычайно женственная в легком синем летнем платье, – Энтери, улыбаясь, кивнул ей, и она с признательностью помахала ладошкой, тоже подошла, обняла его.

– Как там Ангелина? – шепнула она.

– Как всегда. Работает с утра до ночи, – ответил дракон, и Марина усмехнулась.

– Действительно, как будто я ждала услышать другой ответ.

Она отошла. Люк представлял ей гостей, она с грацией истинной леди приветствовала их – а драконы с почтением кланялись – и как хозяйке, и как беременной женщине, воплощению Матушки.

– От тебя пахнет лекарствами, – проговорил Энтери, целуя Тасю в макушку и поглаживая косы, которые она связала на затылке в тугой узел.

– В госпитале опять много людей, – отзывалась она, улыбаясь. – А значит, много работы.

– Тебе это нравится? – спросил Энтери.

– Сильно. Настолько, что я хочу выучиться на медсестру, – серьезно кивнула жена. – На акушерку. Леди Марина обещала помочь поступить туда, где училась она сама. Это в Рудлоге, под Иоаннесбургом, Энтери. Учиться в Инляндии я вряд ли смогу – плохо говорю по-инляндски. Ты согласишься на это?

– Ох, Тася, – засмеялся он, – я только думал о том, что мир изменился. И пусть я ощущаю болезни руками и знаю, как что лечить, но понял здесь, в Вейне, что и мне полезно бы изучить медицину. Рано или поздно в Истаиле появятся свои больницы, и мне нужно будет понимать, что делают врачи. Так что, если захочешь, переедем в Рудлог на время учебы. Или, – он подмигнул, – Нории тут сказал мне, что, возможно, через год у Четери будет новый ученик, а у моего брата – новый придворный маг, который имеет достаточно силы, чтобы открыть портал в любое место Туры. Как тебе жить в Истаиле, а учиться в Рудлоге, Тасюш?

– Звучит очень хорошо, – прошептала она.

Он представил Таисию остальным драконам – с гордостью и теплом, и ее тоже приветствовали с мягкостью, свойственной потомкам богини. А затем Энтери и Таисия прошли через замок, пахнувший чистотой, сверкающий, в котором сустились слуги, и вышли следом за Дармонширом и Мариной проводить соплеменников. И, обнявшись, наблюдали, как пятерка за пятеркой оборачиваются драконы и взлетают следом за небольшими гражданскими листолевами. Те должны были завернуть в каждый город, где ждали крылатых помощников, а сопро-

вожающий пилота чиновник – представить мэрам гостей и проследить, чтобы их разместили со всем уважением.

Когда последний самолет покинул поляну, Марина, которая стояла рядом с Люком неподалеку, повернулась к Энтери.

– А теперь прошу на обед, – улыбнулась она. – Леди Лотта нас ждет.

Энтери не стал говорить, что только что поел – негоже было обижать добрых хозяев.

– С удовольствием, – ответил он.

Тася немного напряглась и он сжал ей руку. Когда Энтери жил в замке, они часто обедали и ужинали вместе с хозяевами, если не выпадало дежурства или операции. Но он знал, что без него жена предпочитала обедать с коллегами по госпиталю, несмотря на то, что и Марина, и леди Лотта, и Маргарета неоднократно ее приглашали разделить трапезы.

«Я стесняюсь, – говорила она, – понимаешь, Энтери, я себя все равно чувствую чужой за столом. И будто стесняю их, будто в тесном семейном кругу они себя могут вести свободнее, чем со мной. Я даже не могу поговорить ни с кем, хотя мы с леди Лоттой очень сблизились, она добра и внимательна. Лучше уж я буду есть с такими же простыми людьми, как я».

«Отчего ты стесняешься? – удивился тогда Энтери. – Ты же член семьи, ты жена брата мужа сестры хозяйки замка».

Тася рассмеялась и он, тоже улыбнувшись, закончил: «Но делай, как тебе удобнее, Тасюш».

Супруги Дармоншир направились ко входу в замок, тихо переговариваясь. И Энтери, взяв Тасю за руку, последовал за ними.

– Как чувствуешь себя? – долетел до них вопрос герцога.

– Превосходно, – тихо ответила Марина. – Словно я не беременная старушка почти двадцати четырех лет, а юная девица.

Тася посмотрела на Энтери смеющимися глазами. Он тоже едва сдерживал смех. И они отстали еще на несколько шагов – чтобы не слушать чужие разговоры. Но слышно все равно было.

– Такое ощущение, что все готовят какие-то сумасшедшие подарки, – продолжала герцогиня. – Заглядывал Мартин, с безумным взглядом копошился у лестницы, увидев меня, крикнул: «Ты меня не видела!» и ушел в портал. Ты что-то про это знаешь?

– Знаю, но не скажу, – отозвался со смешком Дармоншир.

– По-хорошему, вы все должны заниматься делами страны и армии, а не тратить время на праздник, – серьезно проговорила Марина.

Его светлость обнял супругу за плечи и на ходу притянул к себе.

– Мы просто тебя любим, детка, – услышал Энтери его приглушенный голос. – А еще ты была очень хорошей девочкой и заслуживаешь праздника.

Он погладил ее по шее. Марина усмехнулась и, потянувшись, поцеловала мужа в щеку.

Слишком интимным был его тон и Тася, чуть покраснев, потянула Энтери, чтобы они отстали еще на пару шагов. Голоса стали доноситься едва слышно.

– ... ты не думала о том, что твой праздник – это способ для всех нас окончательно переключиться на нормальную мирную жизнь, вспомнить о том, какая она? Его ждут и слуги, и все мы. Позволь и себе, и людям порадоваться.

– Ты прав, – расслышали они. – Ты еще куда-то улетаешь сегодня?

– Увы. Нужно в Виндерс, – ответил его светлость.

– Прежде чем ты снова сбежишь, ты, надеюсь, пообедаешь с нами? – иронично проговорила Марина. – Твоя мама уже осторожно интересуется, не поругались ли мы снова. И если бы она не была занята подготовкой к моему дню рождения, то ты бы уже тоже подвергся допросу.

– Конечно, пообедаю, – в голосе герцога слышалось смирение.

– И вернешься до полуночи? В полночь я хочу получить свой подарок!

Что ответил Люк, расслышать дракон с Тасей не успели – лакей открыл дверь, и они прошли в замок. Там по-прежнему шуршали слуги, приводящие Вейн в порядок перед завтрашним приемом, а с кухни доносились ароматы завтрашнего пиршества.

Замок сиял, замок сверкал уцелевшими витражами, замок пах свежестью, и хозяйка его, с трудом уже поднимающаяся по лестнице, была органичной частью этого большого дома, словно очаг, согревающий всех своим жаром и заряжающей энергией.

И обед, на котором присутствовала еще одна гостья четы Дармоншир, темная по имени Катерина, проходил очень уютно. Тася с леди Шарлоттой обсуждали «своих» детей, а Люк с Мариной переглядывались, как... ну, собственно, как молодожены, которыми они и являлись, Марина перешучивалась с Катериной. Все вокруг для Энтери ощущалось так по-семейному, так хорошо и правильно, что он подумал – не люби он так Пески, он вполне мог бы остаться здесь, в Вейне, при его госпитале, очень надолго.

А пока впереди был год – за который можно будет и обдумать эту мысль, и обсудить с Тасей. В конце концов, что мешает жить на два дома, и работать так же? Ничего, правда?

Марина

Доктор Кастер запретил мне помогать в обработке пациентов, которые к нам поступали: теперь, когда мы в основном занимались истощенными людьми с освобожденных территорий и партизанами, большая часть работы заключалась в антипаразитарной обработке, в отмывании и выкармливании. Зато у нас образовалось довольно обширное детское отделение – госпиталь расширили дальше по этажу, а я помогала педиатру, ставила уколы и капельницы и слушала истории детей. И это было очень тяжело. У кого-то на глазах погибали родные, кто-то из взрослых умирал, отдавая малышам последние крохи еды, кого-то угоняли в рабство иномиряне. Нет, больше половины детей прибыли сюда с родителями, но обездоленных хватало.

Похоже, прежде медицинского университета придется Люку строить на территории Дармоншира большой приют. Потому что многим детям было некуда идти – их дома были разрушены, родные убиты, и они бродяжничали, скрываясь от иномирян и питаясь тем, что удавалось найти в разграбленных домах. И их тоска по родным, их боль была мне так знакома, что мне пару раз после бесед с маленькими пациентами приходилось выходить в парк поплакать и отдышаться.

Сформировалось у нас и небольшое женское отделение – вот где пригодилась вся аппаратура, подготовленная Люком для меня. Поступали к нам беременные женщины, в том числе на поздних сроках, к нам везли рожаящих, и потому доктор Кастер, которого Люк нанял как гинеколога и которому на время войны пришлось переквалифицироваться в хирурга, а теперь и в главного врача госпиталя, смог наконец-то вернуться к основной специализации. Помогали ему моя акушерка Кэтрин Лоу, медсестры и санитарки, среди которых внезапно оказалась Софи, которую я уже совсем не воспринимала как бывшую любовницу мужа: она была трудолюбивым членом нашей команды, таким же, как все.

Я иногда видела, как она вечерами гуляет со своими девочками, как возится с ними в свой выходной, – она была красива, безусловно, и привлекала внимание как военных, в том числе моих гвардейцев, так и пациентов. Но я ни разу не слышала, чтобы она с кем-то флиртовала.

Зато несколько дней назад к нам прилетал на листолете Майки – встретиться с отцом, пообщаться с Люком, сходить через телепорт в Вейне в почти освобожденный Лаунвайт, – и привез и Софи, и детям подарки, и о чем-то очень серьезно и упрямо говорил с ней в парке, отчего она после его отлета ходила задумчивая.

Майки меня тоже впечатлил – будучи секретарем Люка, он казался мне немного подростком, таким неуклюжим застенчивым занудой. А сейчас он за несколько месяцев превратился в мужчину с жестким взглядом единственного глаза. Собственно, на месте Софи я бы не думала.

Но впечатлил он меня не только этим. С собой он привез трех человек. Для Люка – личного секретаря на замену себе, Рока Вилваса, пожилого долговязого рыжего инляндца, который, несмотря на возраст, двигался так быстро, что иногда меня пугал, и пресс-секретаря, тоже рыжую инляндку с мужской стрижкой и взглядом бульдога. А мне – стройного юношу пронзительной красоты, с роскошными рыжими кудрями, которые он собирал в хвост, и взглядом, похожим на взгляд самого Майки в самом начале его работы, который я характеризовала как отчаянное упорство.

– Не по статусу вам, леди Дармоншир, самой разбирать письма и планировать свое время, – наставительно сказал Майки Доулсон мне, когда я выразила недоумение по поводу неожиданного подарка. – Поверьте, Освальд станет вашим спасением и освободит время для действительно серьезных дел. Он ненавязчив, учтет и ваши пожелания, и ваше состояние, он никогда не будет делать ничего, что навредит вашей репутации, и при этом очень квалифицирован и самостоятелен. Поверьте, вы еще скажете спасибо.

– Ему хоть восемнадцать есть? – с сомнением спросила я, издали глядя на выпрямившуюся у лифтолета троицу, ожидавшую представления. Майки из лифтолета вышел первым, и, видимо, приказав сопровождающим ждать, попросил Ирвинса сообщить мне об аудиенции. – Его мама не придет ко мне скандалить, что я заставляю ее сыночку перерабатывать?

– Освальд сирота, – с достоинством объявил Майки, и я почти устыдилась. – Он сам пришел ко мне и предложил стать моим секретарем. И отработал идеально. У него прекрасная способность к систематизации, память и грамотность. А остальному я его научил.

– Так почему не оставил его себе? – удивилась я.

– Я себе еще обучить могу, а вы – нет, – так же удивленно отозвался Майки. Его верность нашему дому, конечно, поражала.

В тот момент я впервые осознала, что подумала «наш дом» не про Рудлогов. А про Дармонширов.

И действительно, с появлением Освальда мой день оказался очень тактично спланирован, корреспонденция разобрана, у меня вдруг появился свой кабинет, а перед ним – кабинет секретаря, и ему можно было задать любой вопрос – он быстро находил ответ или того, кто этот ответ знал. Правда, Люк еще с ним не встречался, и я ждала этого с ироничным предвкушением – будет ревновать или нет? Я бы, конечно, с сомнением отнеслась к появлению у него в секретарях рыжеволосой красавицы. С другой стороны, я четко знала, что Люк никогда и ни за что не захочет даже рискнуть меня потерять.

Перешла в «женское отделение» и Маргарета, которая вновь начала напоминать мне меня: то ли разлука с Таммингтоном так ее подкосила, то ли играл постравматический синдром, но она дневала и ночевала на родах, и доктору Лео приходилось ее силком выгонять отдыхать.

Впрочем, в этом ему помогала хирург Амадея Верфонсис, которая умела что-то такое сказать Рите, мудрое и серьезное одновременно, что та вздыхала и отступала.

– Я думаю, они поженились, – сказала мне пару дней назад Рита, когда присоединилась к нам с Катей за чаем. Доктор Лео настойчиво повелел мне больше проводить времени на свежем воздухе, и я решила совмещать приятное с полезным: нам поставили стол под старым дубом недалеко от детской площадки, и теперь мы пили чай в лесопарке.

– Я тоже так думаю, – согласилась я с улыбкой, и мы все как девчонки покосились туда, где по дорожке в парке чинно, под ручку, гуляли статный доктор Лео и очень женственная,

черноволосая, строгая и взрослая доктор Амадея, опять о чем-то дискутируя. – Я даже надеюсь на это. Будущему отдельному госпиталю Вейна нужны хорошие доктора.

– Этак они и детей за спором о том, какие швы лучше, сделают, – высказалась Рита, и мы засмеялись. Смеялась и Катя – за прошедшие дни она уже успела познакомиться с персоналом, и пусть еще не влилась в нашу небольшую дружную семью, но все уже знали ее, она знала всех, и к ней присматривались, оценивали. Девочки ее благополучно ходили в наш «детский садик», а она то и дело навещала больных. И доктор Лео, поначалу отнесшийся с недоверием, сам уже просил ее поработать над стягивающим, не дающим разогнуться руке, рубцом или заросшим ожогом, перекашивающим лицо.

Во взрослом отделении я работала на процедурах по часу-два, отпуская отдохнуть сменщиц. С освобождением новых территорий недостатка в персонале мы не испытывали: случилось и так, что пациент или пациентка долечивались и оставались у нас санитаром или медсестрой. И у меня хватало задач, помимо лечебных, однако медицина и знакомый мир госпиталя, его деловитая суэта, его запахи и чистота будто заземляли меня, помогали перезагружаться. Госпиталь был моим детищем, от и до, и я не могла отказаться от этой работы, пусть даже выполняла ее номинально. И пусть мое основное участие было в том, что я помогала обеспечить его материалами и лекарствами, не работать с больными я не могла.

– Буду считать, что это ваши витамины от стресса, Марина Михайловна, – ворча, сдался доктор Кастер. – Но инфекционную опасность мы все же для вас ограничим. Сейчас уже нет нужды рисковать.

Я не возражала.

Вот и сейчас, когда Люк улетел после проводов драконов и семейного обеда, я час провела на процедурах в детском отделении, час – во взрослом. Там я встретилась с Катей. Мы виделись с ней за обедом, и после вместе спустились в госпиталь.

Я, двигая тележку с материалом под капельницы в палату, увидела Катю над койкой лорда Розенфорда – он с его людьми и прибыл утренним листолетом, уже подверглись санитарной обработке, и теперь ждали капельниц. Всем им выдали синие больничные пижамы, но лорд был без кофты, а подруга в белом халате, под присмотром дородной санитарки задумчиво водила руками над его ожогами, и страшные рубцы словно расправлялись, растягивались. Она повернула ко мне туманные, сияющие зеленой глаза, едва заметно улыбнулась и снова вернула внимание пациенту. От нее шел холодок, и наблюдали за ней остальные пациенты с некоторой опаской.

Как долго еще в мире будут к темным относиться с недоверием?

Но вот она покачнулась, и санитарка подхватила ее, поддержала.

– Я помогу, леди Катерина, пойдемте, пойдемте...

И я успокоилась. Во всяком случае в моем госпитале людей ценили не за кровь, а за те усилия, что они прикладывали.

– Встретимся в пять за чаем, – шепнула я и, поймав Катю за руку, пожала ее. Подруга улыбнулась, показав, что услышала.

Лорд Розенфорд, когда я подошла ближе, дернулся, попытался встать, чтобы поприветствовать.

– Леди Дармоншир, нас не представили, но я вас узнал...

– Лежите уж, – проворчала я, с иронией слыша в своем голосе нотки доктора Эльсена, – здесь у нас не лорд и леди, а пациент и медработник. Потом, выпишитесь, вернемся к этикету.

Я нашла вену, ввела иглу. Розенфорд осматривал меня цепко, неуловимо похожий на Тандаджи в этот момент, и сгибал-разгибал руку с культей, на которой Катя лечила рубцы. Взгляд его был давящим: видимо, главным разведчикам такой выдавали в комплекте, но кро-

кодили меня больше было не напугать. Лорд разведчик остановил взгляд на моем животе, хотя вряд ли кто-то еще не знал о моей беременности. Перевел на лицо.

– У вас есть кто-то, кому нужно сообщить о том, что вы здесь? – спросила я, стараясь не смотреть на культу. Сколько я уже такого видела и у взрослых, и у детей, и у отца, а все равно не привыкнуть к накаывающей жалости.

– Да, – отозвался он, – но я заполнял анкету при поступлении, там есть этот вопрос.

– Точно, – пробормотала я. Видимо, беременность вступила в период «нет памяти». – И все же?

– Жена, дети, внуки, родители, – проговорил он. – Я успел отправить всех в Рудлог, леди Марина. Они должны быть под Иоаннесбургом у родни жены.

– Повезло, – ответила я. И замолчала, думая о том, у скольких людей возможности этого сделать не было.

– Теперь я понимаю, благодаря кому у герцога Дармоншира отросла ответственность, – проговорил он чуть слышно. И чуть пошевелил рукой с иглой. – Не припомню, чтобы кто-то из высших аристократок Инляндии марал руки о больных.

– Не двигайтесь, – попросила я, – иначе вкачу вам снотворного, чтобы вы как паинька, проспали под капельницей до завтра.

Лорд разведчик послушно откинулся на подушки, расслабил руку. Прикрыл глаза и улыбнулся.

– Что же, – пробормотал он. – Это будет интересно.

Я повесила емкость на стойку и подкрутила регулятор. И покатила дальше. Не стану же я говорить едва знакомому человеку, что мне и самой интересно, чем все это закончится.

Около пяти вечера мы с Катей опять сидели под дубом недалеко от детских горок и, с удовольствием подставляя лица теплему ветерку с привкусом зелени и моря, ели сахарные, коричные, истекающие маслом рогалики. И чай был крепким и вкусным, и варенье – клубнично-ароматным, да так, что вокруг нас закружились пчелы, и пришлось мне ставить щит. Я и сама не сообразила, как получилось.

Детей этими же плюшками уже накормили, и они под присмотром нянь носились и визжали на детской площадке. Рита была на родах, леди Лотта не появлялась – она таинственно готовилась к моему празднику.

С Катей мы молчали, перебрасываясь редкими фразами и наслаждаясь теплом и солнцем. В стороне вокруг замка группками гуляли пациенты.

– В такие минуты мне кажется, что я только сплю и ем, – проворчала я. – А мой бедный супруг пашет за нас двоих. Почти не ночует дома, бедняжка.

– И это говорит женщина, которая каждый день проводит по два часа в госпитале, утром принимает просителей или выезжает с врачами в окрестные городки, – покачала головой Катя. – Я тут всего неделю, и за это время ты успела съездить за форты, в лагерь беженцев, встретиться с мэрами местных городов... что я еще забыла? А могла бы лежать на подушках и есть рогалики.

И она с удовольствием обмакнула оный рогалик в варенье и откусила его.

– Мне кажется, я не умею отдыхать долго, – вздохнула я. – Кажется, если остановлюсь, то упаду.

– Дети тебя переключат, – пообещала она. – Поверь, приоритеты очень меняются. Почти все, что было важным раньше, либо становится неважным, либо на это не хватает времени.

Я рассеянно положила руку на живот. Дети как всегда от сладкого резвились и пинались.

– И у тебя так было?

Она задумчиво покачала головой.

– И да и нет. У меня до беременности была только одна мечта – поступить в МагУниверситет. А после я была очень напугана. Мне было семнадцать, и я была во власти незнакомого взрослого и жестокого мужика. Он каждый раз, как я беременела, становился ласков – все ждал, что будет мальчик. А потом, когда случался выкидыш, или когда узнавали пол, терял интерес и в лучшем случае уезжал. Вот когда он уезжал, у меня наступала вольная жизнь, и я хотела только одного – чтобы его подольше не было. А потом, когда родились дети, моим приоритетом стало защитить уже не себя, а их. Но тебе будет проще, Мари. Тебе свойственно защищать всех вокруг, не жалея себя.

Я улыбнулась сквозь слезы.

– Ты знаешь, – продолжила она, – я вижу, как относится к тебе твой муж. И я подумала, что хотела бы родить еще ребенка. Если бы могла. Не сейчас. Потом, лет через пять или десять. Но хотела бы.

– От Саши? – спросила я очевидное.

– Да. Просто затем, чтобы узнать, каково это, когда твой мужчина бережет тебя и твое материнство, Мариш.

К Кате должен был прийти Александр, и я видела, как ждет она его, как тихо улыбается, говоря о нем. Мне очень хотелось посмотреть на них вместе, оценить то, как он относится к ней – я иногда ощущала себя кем-то вроде вьедливой мамочки, потому что слишком много Катя перенесла. Мы болтали, а я поглядывала на небо, хотя знала, что Люк сейчас точно не прилетит.

И все-таки он от меня прятался, и все-таки скрывал что-то. Я это понимала, осознавала так, будто у него на лбу это было написано. Я лениво перебирала события прошлой ночи, и вдруг меня осенило.

– Как это не было виталиста, – пробормотала я и рассмеялась. Слезы уже высохли, как и не было их. – Он же сам виталист!

– Что? – переспросила Катя, которая жмурилась, потому что солнце сквозь дубовые ветви светило ей прямо в глаза, а шляп мы не надели.

– Да ничего, – с иронией сказала я. – Я просто только что, похоже, догадалась, что мне подарит муж. И с одной стороны, жалею, что он плохо прятался. А с другой, уже не терпится увидеть.

Катя не стала спрашивать, что это, хотя я видела, что ей любопытно. Она протянула руку и погладила меня по ладони.

Но я бы и не рассказала. Потому что это было только для меня.

На часах была полночь, когда скрипнула дверь спальни. Я, сидя на подушках, опираясь на спинку кровати, отложила книгу под ночник. Скрестила руки на груди и улыбнулась замершему на пороге Люку.

Он был в костюме, лишь пиджак снял, оставшись в жилете, и в руках держал гигантскую корзину роз. Я с предвкушением улыбалась ему, он усмехался мне. Шагнул вперед и дверь захлопнулась.

– И почему такая красивая детка не спит? – спросил он хриловато, медленно обходя нашу огромную кровать. Поставил корзину с розами на комод у окна – и оказалось, что в руках его еще несколько коробочек.

– Порчу тебе сюрприз, конечно же, – отозвалась я, жадно рассматривая его. Мне не терпелось увидеть. – Или желаю получить свои подарки.

Он кивнул на свертки.

– Это не все. Остальные ждут тебя завтра. Будешь смотреть?

Я мотнула головой. Лицо никак не желало принять серьезный вид, мне хотелось смеяться и поскорее до него добраться.

– Завтра посмотрю. Сейчас я хочу распаковать свой главный подарок.

Все же Люк был идеальным актером – он усмехнулся и спросил:

– Это какой же?

Вместо ответа я поманила его пальцем. И когда он подошел, перекатилась на кровати, неуклюже вставая на колени – он смотрел на это сверху вниз с какой-то невозможно сентиментальной смешинкой.

– Сначала снимем обертку, – проговорила я шепотом, расстегивая его жилет. Люк мне не помогал, но небрежно расслабил галстук, снял его и бросил в сторону. – Теперь развяжем бантик, – и я расстегнула ремень. – Еще упаковка... – И я потянула из брюк рубашку и начала расстегивать пуговицы снизу вверх. – Что же, что же меня там ждет, а, мой лорд? Что же ты там столько дней прятал?

Люк беззвучно смеялся, глядя, как жадно я борюсь с пуговицами. Как расстегиваю ему брюки. Но стоило мелькнуть на смуглой коже алому изгибу, как я закрыла ладонями глаза.

– Боги, ты действительно это сделал. Я хочу увидеть ее целиком, – требовательно сказала я. – Раздевайся. Быстрее, Люк! Быстрее!

– Как скажешь, моя леди, – ответил он с той же хрипловатой смешинкой. Зашуршала ткань, он переступил раз, другой. И наступила тишина.

Я медленно отняла ладони от лица. Мой муж стоял передо мной обнаженным, и глаза его были уже не голубыми, смешливыми, а темными, порочными. Внизу живота его, чуть выше левой тазовой косточки, было набито мое имя. Как я и думала.

Но одно дело думать. Другое – видеть.

Я коснулась своего живота, там, где был набит его змей – справа, и снова посмотрела на Люка, впитывая, задыхаясь от восторга. Ало-золотая буква М раскрывала крылья красным соколом, и от нее шел поток огня, vyplетая остальные буквы, которые обвивали черные стебли шиповника с красными цветами. Пламя было сделано так изумительно натурально, что я сразу узнала руку мастера. Так же горел огненный цветок на моей спине.

– Я сейчас завизжу от счастья, – предупредила я сипло. И облизнулась. Провела пальцами по буквам, коснулась их губами и выдохнула ему в кожу. – Вот это признание в любви, Люк. Как ты нашел мастера? Как же это красиво, Люк...

– Я хотел, – сказал он хрипло, – чтобы ты поняла, что почувствовал я, когда увидел...

Я прижала ему ко рту палец, заставила наклониться и впилась в рот глубоким, жадным поцелуем. Что еще тут было говорить? Я не нашла слов и решила – пусть говорят те, у кого это получается лучше всего. Пусть говорят наши тела. Пусть вжимаются друг в друга наши имена, зеркально заклеившие нас обоих.

Каждый раз теперь во время нашей любви я поражалась, как бережно Люк касается меня. Беременность сделала меня сверхчувствительной – и он учитывал это, я быстро уставала – и это он учитывал. И как же жаден и нежен он стал до моей груди – иногда меня пронзало удовольствием только от вида его рта на ней. Он словно подстраивался под меня, ощущал, что мне нужно в данный момент, а когда двигался, встав на колени или усадив меня сверху, и смотрел на мой живот, в его глазах появлялось что-то древне-сакральное, как будто он не сексом занимался, а совершал ритуал плодородия.

Впрочем, меня это заводило еще больше. Я чувствовала, знала, что будет у нас еще время для лихорадочного, жесткого безумия – слишком мы любим его, – но и моменты медленной, бережной любви приводили меня в экстаз. И Люка тоже, судя по тому, как сыто и расслабленно улыбался он в потолок, когда я лежала головой на его животе и водила пальцами по татуировке.

– А заклеивал зачем, если мог сразу залечить? – спросила я лениво и повернулась, чтобы посмотреть на него. – У меня-то денег на виталиста не было, заживало все натурально.

– Твой мастер сказал, что нужно походить несколько дней, чтобы краска встала, не заживая, – ответил он. – Я и прятался.

– Ты слишком подозрительно прятался, – засмеялась я и поцеловала его в живот. От кожи его пахло терпко и солено нашей любовью. – А что в коробках?

– Что там может быть, – отозвался он самоиронично и потянулся. – То, что я хочу надеть на тебя, конечно.

И он пошевелился – пришлось сонно приподняться, – встал, протянул мне руку. Пришлось подчиниться. Люк усадил меня перед зеркалом, повернув его к нам – и заставил распаковывать подарки. Рубиновое кольцо из черного золота с цветочными мотивами, очень напоминающими шиповник – словно изысканное кружево. Браслеты и серьги из того же гарнитура. Кольцо с рубином, на котором выгравирован сокол.

Мой муж доставал и доставал драгоценности – и сам надевал на меня, как на куклу, и глаза его горели почти фанатичным огнем, а зрачки то и дело вытягивались в змеиные.

Из последней коробочки он достал рубиновую диадему с тем же цветочным орнаментом и сам опустил ее мне на голову. В сочетании с моими ультракороткими светлыми волосами и круглым животом, налитой грудью и татуировками это обилие украшений на голое тело смотрелось диковато – и очень красиво. Я смотрела на себя в зеркало – и Люк смотрел на меня в зеркало. И гладил сзади меня по шее, замороженно, медитативно. Мне казалось, что у него мелькают клыки, что поет что-то древнее и обрядовое ветер в темноте за окнами, что сейчас Люк обернется и обовьется вокруг меня, как в давнем сне, или унесет куда-нибудь в сокровищницу, чтобы любить там.

– А это ты сделал подарок себе, да, большой мальчик? – спросила я таинственным голосом, и он очнулся. Зрачок собрался в точку и расширился, затопив голубую радужку, а Люк усмехнулся.

– Именно. Ты очень красива, Марина.

– На корону похоже, – я коснулась диадемы: цветочный орнамент образовывал зубцы. Его глаза снова подернулись мечтательной дымкой, которую я хорошо знала.

– А тебе бы пошла корона, – задумчиво сказал он.

– Надеюсь, ты не вздумаешь короноваться только ради этого, – фыркнула я.

Он засмеялся и покачал головой.

– Точно нет. Я просто закажу тебе ее на двадцать пять лет. Мы имеем право на малую герцогскую корону, вот им и воспользуюсь.

– Какие траты ради хорошего секса, – скептически проговорила я. – Ты не боишься, что к моему пятидесятилетию Вейна не хватит хранить все твои подарки?

Люк, улыбаясь, склонился и поцеловал меня в висок.

– Я построю второй, – пообещал он. – С днем рождения, детка. Я тебя обожаю, знай это. Я угодил тебе, моя леди?

Я откинула голову назад, на его живот, так, чтобы в зеркало была видна татуировка.

– Еще бы, – ответила я нежно. И вновь погладила ее тыльной стороной кисти, прикрыв глаза. – Обожаю видеть, что ты принадлежишь мне, Люк.

Он улыбнулся, возвращая мне говорящий взгляд. Он тоже любил видеть, что я принадлежу ему.

– Но ведь это еще не все, да? – спросила я, когда мы и сходили в душ, и улеглись в постель обнявшись, и уже засыпали под раскаты очередной грозы.

– Точно не все, – отозвался он едва слышно. – Подарки только начинаются, Марина.

Глава 3

8 июня, Дармонишир, замок Вейн, Марина

Проснулась я, когда солнце уже бросало косые лучи сквозь щели в занавесках. Пахло свежестью, морем и розами, а мне было жарко и уютно – уже неделю я не просыпалась на плече у мужа, забросив на него ногу, и даже не думала, что так соскучилась по этому.

Он тоже пошевелился, открыл глаза. Сонно, криво улыбнулся и поцеловал меня в лоб.

– Первый подарок сегодня – выспаться, – я сладко, долго, неаристократично зевнула. Посмотрела на часы – около девяти утра. – Но надо вставать.

– Почему? – так же расслабленно отозвался Люк.

– Потому что кто-то требует завтрак, – вздохнула я и положила его руку себе на живот, по которому изнутри явно колотили пятками.

Люк хмыкнул, пощекотал мне кожу, и малышня принялась плясать еще активнее.

– Я с ними не справлюсь, – со смешком сказала я.

– Со мной справилась, и с ними справишься, – заверил меня супруг. – Найдем отряд нянек, я заключу с десяток договоров с воздушными духами...

При мысли о духах я слегка расслабилась. Вздохнула, кутаясь в мужа как в одеяло, вжимаясь в него, стараясь беречь живот.

– Надо вставать. Освальд уже наверняка ждет у покоев.

– Освальд это кто? – лениво поинтересовался Люк.

– Наконец-то наступил момент истины, ваша светлость, – укоризненно проговорила я. – Вот так я обзаведусь свитой из красавчиков, а ты узнаешь об этом только через год.

– Хоть полезный красавчик? – уточнил Люк, жмурясь. От уголков глаз разбежались морщины, и я подумала о том, что он наверняка ужасно устал за эти дни. И так мне жалко его стало, что я обняла его крепче и поцеловала в эти самые морщинки.

– Полезный. Подарок и воспитанник Майки, он вместе с твоим секретарем его привез. Ты хоть успел со своим Вилкасом познакомиться?

– Сильно мельком, – признал Люк. – Надеюсь, он еще не сбежал. И что он хотя бы вполтину такой же полезный, как Майки. Без Доулсона-младшего мне действительно трудно.

– Вот и Освальд молодец, превращает мой хаотичный день в организованный. Он вчера шушукался с леди Лоттой и предоставил мне план на сегодняшний день. И до вечернего приема у меня ни секунды свободного времени.

– И что, – Люк покосился на меня, – он действительно так хорош?

– Как секретарь – да, – сказала я. И потерлась об его щеку носом. – А если я дождалась долгожданных ноток ревности в твоем голосе, – он засмеялся, – то ему, кажется, и восемнадцати нет, и мне хочется его усыновить.

– Подождет твой Освальд, – проговорил он. – У меня для тебя есть утренний подарок. Но, – он прислушался, – дождь, что ли, собирается? Гроыхнуло.

Я, уже вставая, накинула пеньюар, подошла к окну.

– Да нет, – я распахнула окно, – небо чист... Люк!!!

– Да, детка, – отозвался он со смешинкой.

Передо мной, над лесом, на глазах проявляясь из воздуха, сверкая серебром и перламутром, парили сотни воздушных духов-змеек. Внизу радостно визжали дети, показывая на них пальцами, а духи вдруг прыгнули вверх, в стороны, выстраиваясь в гигантское имя на инляндском. А оно – снова распалось и сложилось в другие слова.

Марина.

С днем рождения.

Моя любовь.

– С днем рождения, моя любовь, – проговорил мне в ухо Люк и прикусил его.

– Спасибо, – я смотрела на трепещущих в воздухе, радостных – я точно знала, что радостных, – змеек, и сама чувствовала, как расцветает в груди шальная и светлая радость. Я вспоминала фейерверки над Иоаннесбургом и меня затапливало счастьем. – Как ты с ними договорился?

Он засмеялся.

– Ничего сложного. Три сотни жемчужин из сокровищницы, нажитых моими предками. – Люк вытянул руку вверх и проговорил. – Спасибо, мои маленькие братья по отцу. Вы свободны.

И змейки рассыпались ветерками, полетев во все стороны – только по кронам деревьев пошло волнение да затрепетали занавески.

Завтрак был накрыт в гостиной, а посередине стола располагался крошечный розовый клубничный торт. Дети тут же захотели клубники, так что день мы начали со сладкого. Я надела светлое цветастое платье с кружевами на коротких плечиках и нижней юбке и бантом над животом, которое мне подготовила Мария, и теперь сама чувствовала себя подарком. Люк пил кофе и смотрел на меня, я смотрела на него и улыбалась, и обсуждали мы какие-то совсем дурацкие вещи: буду ли я танцевать на вечернем приеме и не усну ли до него от обилия поздравлений. Иллюзия блаженной бездельной жизни аристократов, в которую так приятно погрузиться. Ненадолго, конечно.

Освальд действительно оказался за дверями. Подождал, пока мы выйдем, поклонился.

– Моя госпожа, – он перевел взгляд на Люка, еще раз поклонился, – ваша светлость...

И покраснел так, как это бывает у рыжих, так, что даже шею залило.

– Так вы и есть Освальд Лоу, – проговорил мой муж. – Вас не успели мне представить. Рад, что у моей супруги есть такой усердный помощник.

Иногда Люк при общении становился настолько герцогом, насколько возможно. Эталонным герцогом.

Он протянул юноше руку и тот, покраснев еще больше, горячо потряс ее.

– Лорд Дармоншир, – голос его прерывался, – это огромная честь для меня. Я... мы следили за вами... за вашими подвигами... я восхищаюсь вами!

Люк хмыкнул.

– Надеюсь, это не помешает вам в работе, – благодушно сказал он. Я старательно делала серьезное и строгое лицо.

– Никак нет, мой лорд! – пообещал секретарь. – Моя леди, – он обратился ко мне, – слуги ждут вас.

– Ну, раз ждут, пойдем, – вздохнула я. И мы с Люком чинно направились принимать хвалы и подарки в мою честь.

– Теперь я поняла, что впору ревновать мне, – шепнула я Люку на ухо. – Он, оказывается, твой поклонник, а не мой.

Его светлость беззвучно рассмеялся. Собственно, хорошим настроением мы были обеспечены еще с вечера.

Слуги в высоких аристократических домах традиционно никогда не дарили дорогостоящих подарков, потому что считалось, что подарки должны быть символическими, с большим значением, учитывающие личность именинника, лучше – сделанные своими руками. Тем более, сейчас, когда война еще не отгремела окончательно.

У нас во дворце мама всегда проводила со слугами завтрак на второй день после дня рождения, который в стране праздновался три дня подряд, а дворецкий вручал ей подарок от всего персонала – набор добротных ручек с гербом или вышитых носовых платков, вазу в наших цветах или вид из окон кабинета на клумбу, оформленную в виде сокола.

«Подарок не должен бить по карману слуг, – говорила мама, – и не должен даже мысли допускать о подбострастии или подкупе хозяина. Дарить богатые подарки – неуместно. Уместно – практичные».

И сейчас Ирвинс собрал слуг в зале первого этажа на чай с пирогами. Когда мы вошли, все встали из-за десятков накрытых белоснежными скатертями столов: мужчины – поклонились, женщины – сделали книксены. Для нас тоже был подготовлен стол на небольшом подиуме, чтобы присутствующие имели возможность наблюдать наши светлейшие лица. Ирвинс под ревнивым взглядом дворецкого лаунвайтского Дармоншир-холла, Доулсона, который собирался возвращаться в столицу и приводить дом в порядок, произнес стандартную речь о том, как счастливы все работать у таких добрых хозяев и как повезло всем слугам. А затем преподнес несколько подарков. Небольшое, в четыре ладони, круглое резное деревянное панно, на котором по краю завернулся кольцом грозный змей, глядя на парящего в центре сокола. То есть на меня. Люка сделали очень натурально, мой клюв показался мне слишком сильно распахнутым, будто я на супруга орала. Хотя, ладно, это тоже было натурально. Подарили прелестную льняную скатерть ручной вышивки, которую я немедленно захотела на стол под дубом у замка. И деревянные украшения для гривы и хвоста Пастуха Августа. Это окончательно растопило мое сердце.

После того, как я всех поблагодарила, попробовала и похвалила пирог, слуги хором под басок Ирвинса, отбивая ритм хлопками и притопыванием, спели веселенькую инляндскую песенку про Мэри, которая прыгает по лужам и гадает, что ждет ее на день рождения. Пела даже моя Мария, чему я несказанно удивилась. Новенькие секретари скромно стояли у стены, но тоже хлопали. Собственно, песни я от чопорных инляндцев никак не ожидала.

– Это традиция, – сказал мне на ухо Люк, пока я старательно улыбалась, великосветски подхлопывала и пыталась не рассмеяться. – Знак особого расположения слуг.

– То есть могут и не петь? – так же тихо изумилась я.

– Моему отцу не пели, – подтвердил Люк. – Но он бы и сам посчитал это фамильярностью.

Противного Джона Кембритча мне было почти не жалко. Хотя, леди Лотта рассказала мне как-то за чаем, что он ранен и они планируют его навещать, и я даже передала ему записку с пожеланиями выздоровления. Я покосилась на Люка, но не стала его спрашивать, не решил ли он тоже навещать отца. Иногда лучше молчать, улыбаться и хлопать.

«Вам может казаться это скучным или тягостным, – говорила нам мама, – но помните, что слуги – это те, кто имеет доступ к вашей постели, вашему белью, вашим комнатам, вашей еде и вашим секретам. Будьте благодарны им за верность и старайтесь сердечно принимать проявления их любви. Никогда ими не пренебрегайте».

Я, конечно, вполне обошлась бы без этих церемоний. Но я понимала, что традиция – то, что делает Вейн крепче, а людей, которые в нем живут и работают – ближе. А еще меня действительно трогало то, что я видела в глазах своих людей и почтение, и благодарность. Это многого стоило.

Я еще не отошла от песни, когда мы поднялись на третий этаж, в Дубовую столовую, к семье. Там нас уже ждали на чай (а Люка – на кофе) леди Шарлотта, Рита и Берни – тоже нарядные и улыбчивые.

– А мы ждали вас к завтраку, – с намеком сказала Рита, когда мы все расцеловались, расселись за столом, и я выслушала, какая я прекрасная невестка и новообетенная сестра.

– Вот выйдешь замуж за Таммингтона, – ответил ей мой муж наставительно, – а мы будем приезжать к вам в герцогство гостить. И только попробуй не спуститься на завтрак.

– Это если выйду, – проворчала Рита, мгновенно мрачней.

– Лорд Роберт, кстати, обещал быть сегодня, – заметила я. – И если он привезет подарок только мне, считай, что я как старшая, официально запрещаю тебе в него влюбляться дальше.

Маргарета фыркнула и независимо взялась за чашку с кофе. И Люк тожепил кофе, и Бернард. Одна свекровь меня поддержала и налила себе чай.

– Это чтобы тебе так обидно не было, – улыбнулась она. Я вздохнула и отсалютовала ей чашкой. Кофе мне доктор Кастер запретил во избежание скачков давления, и пусть брачный браслет позволял переносить беременность легче, чем могло бы быть, следовало поберечься.

Свекровь, святая женщина, подарила мне ортопедическую подушку и специальную длинную подушку под живот, и я с чувством обняла леди Лотту еще раз.

– Вы – чудо, – проговорила я. – Раз мой муж иногда манкирует обязанностями доставлять мне комфорт во время сна, буду пользоваться ей.

– Как не стыдно, Люк, – покачала головой леди Лотта, по тону и жестам ужасно похожая на сына сейчас. – Не мог бы ты восстанавливать страну и спасать людей до десяти вечера?

– Постараюсь, матушка, – в тон ей ответил Люк, делая глоток кофе.

Рита протянула мне коробочку. Я открыла – там была брошь с изображением символа целителей и врачей, серебряного крылатого Инлия-змея, обвиняющего крупную барочную жемчужину в форме человеческого сердца. А Берни, улыбаясь, вручил мне чемоданчик с игрушками для Бобби из дерева – там были и деревянные косточки, и бумеранги, и мячики. Собственно, Бернард моего пса обожал и подарок меня не удивил.

После семейного чаепития мы все спустились вниз, на крыльцо замка. И там, под восторженными взглядами детей, которые теперь с улицы не вылезали, прячась в замок только на время гроз и дневного сна, прошел марш и построение моих гвардейцев под командованием Осокина, и людей Леймина, которые ради такого случая оделись в цвета Дармонширов.

Я с удивлением осознала, что ведомство Леймина сильно разрослось, как и мой госпиталь – теперь в нем было человек тридцать, не меньше, и молодых, и сильно пожилых. От силовиков был общий подарок – амулет-переноска, похожий на тот, что выдавал нам Тандаджи. Амулет этот должен был при активации накинуть на меня щит и перенести в безопасное место.

– А где это безопасное место? – уточнила я, надевая переноску на тонкой серебряной цепочке на шею.

– Мы настроили на ваши покои во дворце Рудлог, – ответил Осокин. – Это согласовано с ее величеством.

Я повернулась к Люку – он кивнул, а значит, был в курсе.

– Еще не время обеда, а я уже устала от чествований, – пробормотала я ему, когда гвардия, чеканя шаг, завернула за угол, а семья разошлась по своим делам. – Не зря все же служба протокола у мамы разносила это на несколько дней.

– С другой стороны, всего один день, и снова спокойная жизнь, – заметил Люк. – Сильно устала?

– Да нет, – я прислушалась к себе. – Скорее, хочется подвигаться.

– Тогда откладываем все протоколы и идем прогуляемся, – и муж протянул мне руку. Я подозрительно уставилась на нее, на него. Он смотрел совершенно серьезно, и лишь в глазах плясала смешинка.

– Там тер-сели будут устраивать хоровод? – уточнила я.

Он усмехнулся.

– Просто прогуляемся. Обещаю. Никаких сюрпризов.

– Ну хорошо, – вздохнула я. – Заодно выгуляю свою собаку, чтобы Бобби вспомнил, что у него есть хозяйка. – И повернулась: за моей спиной тут же вырос Ирвинс.

– Чего изволите, леди Марина?

– Пусть приведут Бобби. И принесут мне шляпку, – попросила я. И посмотрела на чуть посеревшее небо, с которого лило лучи жаркое полуденное солнце. Было душновато – не иначе дело снова идет к грозе. Но шляпка однозначно нужна, иначе к вечеру я буду краснолицей.

Ирвинс исчез так же незаметно, как появился. А когда вернулся с собакой и белой шляпкой, то отдал Люку в руки таинственный бумажный пакет.

– Что там? – насторожилась я.

Муж потряс пакетом.

– Пара сэндвичей и яблоки на случай, если ты проголодаешься.

Мы шли с Люком за руку вокруг замка, а Боб носился туда-сюда, припадал на передние лапы, просясь играть – и муж мой кидал ему палку, а радостная веселая собака с видом «впервые за тысячу лет со мной играют» приносила ему ее обратно. Я все поглядывала на супруга подозрительно, он отвечал мне насмешливым взглядом. Лишь раз произошло что-то странное – он взглянул на небо и посерьезнел, словно тень набежала на небосвод. И тут же отвел взгляд. Я тоже посмотрела – но даже с моей новоприобретенной способностью видеть стихии, увидела лишь сплетения потоков и все.

И когда я уже решила, что эта прогулка – просто прогулка, и расслабилась, до меня донеслось конное всхрапывание. Мы вышли за замок, к конюшням и выгону, где находился Пастух Августа. Бобби тоже обрадовался и понесся приветствовать друга лаем. Пастух ответил ему высокомерным ржанием.

Я заулыбалась, ускорила шаг, и опешила, завернув за конюшни – на выгоне пасся не только Пастух, но и две тонконогие изящные кобылки, одна постарше, вторая помладше, почти жеребенок. Палевые, светлогривые и светлохвостые вестхэлтинские лошади. Мой могучий жеребец уже очевидно взял их под покровительство – они ступали за ним, как привязанные, а он касался их загривков мордой. На Боба, который носился вокруг, он смотрел снисходительно, а пес радовался и так крутил хвостом, что я боялась, что лужу от счастья сделает.

– Никаких сюрпризов, да? – растроганно спросила я Люка.

Он обнял меня, и я поцеловала его в подбородок, в щеку. И вздохнула.

– Они очень красивые.

Пастух, увидев меня, подошел ближе, величественно склоняя голову, и я, оторвавшись от Люка, подошла к ограждению, протянула руку, погладила моего умницу по лбу, по щекам. Он горделиво прошелся туда-обратно, заржал требовательно – и кобылки робко и пугливо тоже пошли ко мне.

– Красавицы, – шептала я, глядя то одну, то другую. Они действительно были тощеваты, но видно было, что руку человеческую любят и что о них заботились, как могли. – Откуда ты их взял?

– Выкупил у хозяев конюшни недалеко отсюда, – ответил Люк, глядя на меня с тем же умилением, что я видела у него в глазах вчера вечером. – Они ухитрились в течение всей войны сохранить их. Не съели, прятали от иномирян в лесу. Но хозяин там очень слаб, и уже не мог о них заботиться, обратился в комендатуру городка. Оттуда доложили Майки, а он уже догадался сообщить мне.

Теплые лошадки смотрели умными черными глазами, похрапывали. Люк сунул руку в пакет, который ему выдал Ирвинс, достал яблоко, второе, отдал мне. И я, смутно ощущая, что все это уже было, что я где-то уже такое видела, протянула руку – и лошадь деликатно взяла с ладони яблоко, захрустела. Тут же в руку ткнулась вторая и тоже получила свою награду. Сунулся и Пастух, ревниво фыркнув на Люка.

– Ну куда же ты без награды, моя умница, – проговорила я, и он тоже получил угощение. – Как тебе твои девочки?

Пастух хрустел яблоком, но «девочками» явно был доволен. И я была довольна, разнежено снова обнявшись с Люком и глядя на его изящные подарочки. Усталость как рукой сняло – лошади всегда придавали мне сил.

– Как хоть их зовут?

– Ветерок и Весточка, – ответил он.

Я улыбалась. И улыбалась весь обратный путь, пока он мне рассказывал, что будут у меня полные конюшни, и скачки обязательно будут, и кубок моего имени он обязательно сделает.

Этого было так много, что я вдруг испугалась, что это плата за что-то трудное в будущем. И я даже понимала, за что. Люк этого не понимал.

Впрочем, если уж суждено нашей будущей жизни быть такой, какой я думаю, нужно набрать больше свободы и радости сейчас, не так ли?

– Есть у тебя время еще до обеда с коллегами? – спросил Люк, когда мы подошли ко входу в замок. Бобби сразу перехватили дети, и няни стали успокаивать их – им как раз пора было на обед и дальше на дневной сон.

Я взяла его руку и посмотрела на его часы. Двенадцать тридцать.

– Полтора часа.

– Тогда времени хватит, – сказал он. – Ты не против прокатиться?

Как я могла быть против – когда хотела увидеть все, что он мог мне показать?

Мы проехали по улочкам Реджтауна и остановились у узкого, почти смытого пляжа. С моря быстро приближалась гроза, и я чувствовала, как накатывает родственная грозная стихия.

Люк, обходя машину спереди, с наслаждением подставил лицо ветру. Подал мне руку, и я пошла рядом с ним к домику, у которого на колесной платформе, удерживаемая множеством опор, стояла красавица-яхта. И имя ей было «Марина».

Можно ли растрогаться еще больше? Люк столько в этот день показывал, как я важна для него, что у меня почти не осталось сил.

– Ты даришь мне яхту? – с нервным смешком спросила я.

– Ни за что, – усмехнулся он, – у тебя свои игрушки, у меня свои. У моей будет твое имя. Я просто хотел тебе ее показать. Думал покатать тебя на ней, понырять, поплавать, но пока не расчистим это, – он кивнул на торчащие в прибрежной зоне останки кораблей, – это невозможно. А я не успел.

Старик-сторож, безбожно смолящий трубкой, выглянул из домика, изобразил поклон. Посмотрел на надвигающуюся тучу, бросил Люку: «Мы ее хорошо заякорили, ваша светлость, не сорвет, не беспокойтесь», – и исчез, только его и видели.

– Это на ней ты хочешь в кругосветное путешествие? – спросила я, оглядывая судно. В детстве мы катались на нашей яхте на море в Лазаревом, и она была большой, на двенадцать человек. Эта была лишь чуть меньше, но казалась более изящной.

– Угу, – отозвался он. – Поднимешься вверх?

Я оглядела опоры в поисках лестницы, но муж просто обнял меня и взлетел в воздух. И опустился уже перед входом в кабину капитана. Открыл дверь, поманил меня внутрь. Там было тихо, а за окнами расцветало грозное небо, накатывая с неумолимостью судьбы, и море с высоты казалось совсем близким, будто оно было вокруг. Торчащие остовы кораблей подернулись дождевым маревом и скрывались из вида один за другим.

Люк обнял меня со спины, положил голову на плечо. Я не спрашивала, о чем он думает и зачем он привез меня сюда. Мне кажется, я понимала.

В окна ударили первые капли дождя, сверкнуло, загрохотало и полило. За стеклами разверзлась серая мгла – и мы с ним плыли в этом океане, одни, вдвоем, свободные и от забот, и от прошлого, и от будущего. Свободные.

– В кругосветном путешествии нам быстро бы стало скучно, да? – со вздохом спросила я.

Он скользнул губами по моей щеке, развернул – и почти отчаянно поцеловал. Я ответила – и дальше мы жадно целовались под грохот грозы, вспышки, порывы ветра, заставлявшие яхту подрагивать, и оглушительный стук дождя.

Возможно, он привез меня сюда за утешением. А может, за мечтой, которая сейчас растворялась под струями дождя. Слова здесь были лишними.

Обратно мы выскочили под щитом и Люк, подхватив меня на руки, бегом донес до машины. Мы успели слегка промокнуть, пока забирались в машину, но ливень словно смыл уныние и отчаяние, накрывшее нас на яхте, и на обратном пути мы смеялись как безумные, стряхивая друг с друга капли воды.

Обед с коллегами прошел тоже очень приятно и расслабленно, уже без Люка. Я была слегка сонная, но ни за что бы не отменила этот обед. Здесь я ощущала себя, как в третьей большой семье, и здесь я была Мариной-медсестрой, а не леди Мариной, герцогиней Дармоншир, принцессой дома Рудлог. Здесь была моя свобода и мой выбор, и такой могла быть моя жизнь, если бы в крови моей не текла огненная кровь.

Но она текла, и я давно сшила две эти свои самоидентичности. А вот получится ли сшивать их потом, я не знала. И потому благодарила за поздравления, посмеивалась над байками, которые рассказывали доктор Лео и виталист Росс Ольверт, поднимала со всеми бокалы с мятным чаем и отдыхала душой. И подарок от коллег был полезный и забавный: набор медицинских шапочек с вышивкой «доктор Дармоншир».

Я улыбалась, но сердце кольнуло: потому что моя судьба непреклонно шла туда, где моя мечта должна была остаться в стороне. Просто потому, что на нее не хватит времени.

Но и обед закончился, и я по пути вверх заглянула к Люку в кабинет: муж, очень собранный, что-то диктовал своему новоприобретенному секретарю. Было накурено, поэтому я просто помахала ему от порога, но заходить не стала.

– Не вставай, – поспешно сказала я, но Люк все равно встал. Вилкас тут же притворился стеной, и я поняла, что Майки был прав – он хороший секретарь. – Я сейчас засну, – прошептала я мужу, когда он подошел ко мне, – так что поднимусь отдохнуть и готовиться к приему. Поэтому поработай за нас двоих, хорошо?

– Я провожу тебя, – проговорил он.

– Не надо, – фыркнула я, – иначе ты будешь слишком идеальным, Люк.

Но он все равно проводил, выключил в спальне свет и задернул шторы. И поцеловал меня в щеку перед выходом.

Это было настолько экстремально идеально, что я улыбалась, отгоняя от себя тревожную мысль, что не может все быть так хорошо.

Мария подготовила мне к приему нежное белое, чуть кремовое платье, с короткими рукавами и серебряно-золотыми манжетами, сверху – очень простое, рубашечного типа, свободно облегающее мой живот, а снизу, под талией до середины голени – с волнистой юбкой, расширенной золотыми и серебряными цветами. К нему я решила надеть серьги и кольцо, подаренные Люком, – и все. И хватит.

Я улыбалась, предвкушая встречу с родными. Помимо семьи Люка и Энтери с Таисией, должны были присутствовать сестры, их супруги (Алина, понятно, была одна) и отец. Каро, увы, оставалась в Йеллоувине, и я обещала ей навестить ее завтра. Должны были прийти Мартин с Викторией, а в пару Катерине, чтобы не скучала и не тушевалась среди моих венценос-

ных родственников, я пригласила Александра Даниловича. Он не был мне близок, но жених лучшей подруги – это уже статус. Ну и Таммингтон, конечно. Он мне нравился, но приглашала я его с тайным умыслом порадовать Риту.

Я сидела у зеркала, подкрашивая губы, когда дверь открылась и вошел Люк – уже переодевшийся в серый костюм с серебристым жилетом, прикрепивший к лацкану драгоценную брошь в виде цветка шиповника. В ухе у него тоже поблескивал крошечный рубиновый цветок, и я, выцепив его взглядом, удовлетворенно прикрыла глаза.

– Гости собрались, Марина, – проговорил он. Провел руками мне по плечам, наклонился и поцеловал в макушку. И я наконец поняла, что мне все это сегодня напоминает. Он сегодня был папочкой, а я – его девочкой, которую он изо всех сил баловал.

Не скажу, что мне это не нравилось: в малых количествах это было и трогательно, и забавно. Раз в год можно и попробовать.

Когда я под руку с Люком вошла в зал для приема и под музыку крошечного оркестра, который каким-то чудом нашла леди Лотта, прошла к родным и друзьям, когда мы обнимались и целовались со всеми, когда меня торжественно усадили в обитое синим бархатом кресло и принялись дарить подарки, которые непременно нужно было открыть прямо сейчас, я чувствовала, что я плыву в море абсолютно беззаветного счастья.

Почти все свои люди рядом, все здоровы и живы – что может быть лучше?

Леди Лотта подготовила к приему три анфиладных зала на третьем этаже, в которые я всего раз заглянула перед праздником: тот, в котором мы находились сейчас, и в котором был подготовлен аперитив-фуршет, был простым, украшенным синим бархатом и панелями, а вот предназначенный для праздничного ужина после вручения подарков, располагался под угловой башней и имел два балкона. Квадратный, он был украшен в бело-золотых тонах, а потолок – радиально выложен светлыми деревянными панелями с круглым золотым «солнцем» посередине.

И стол там был примечательным, круглым, так что мы все будем сидеть за одним столом и слышать друг друга. Для детей Кати и моих племянников было подготовлено угощение в соседнем зале, где они играли под присмотром нянь. Но пока я опять принимала подарки – и как много они говорили не только обо мне, но и о тех, кто дарил их!

– Спасибо, – улыбалась я Ангелине и Нории, которые преподнесли мне маленький мозаичный алтарь с изображением нашего первопредка, который мог бы стать центром часовни. И правда, Вейну требовалось место, где я могла бы поклониться своему праотцу. И огнедухам, привязанным к башням, было бы куда заглянуть.

– Спасибо, – говорила я Василине и Мариану, а к горлу подступал ком: потому что Василина сделала копии семейных, личных альбомов нашей мамы. Там, где были домашние фотографии, где она сначала была с первым мужем и Ангелиной на руках, потом – с Васютой в люльке и маленькой Ани рядом, затем – со мной в слинге, и так далее. Расслабленная, смеющаяся, жующая, задумчивая – я быстро пролистала альбомы и прижала их к сердцу. Мне нужна была эта память.

– А это, – сказала Василина, взглянув на моего мужа, – ключи от дома в полях у Милкардер, Марина. Недалеко от выхода из нашего дворца. Там уже подготовлено окно под визио-телепорт, поэтому вам останется только сделать его в Вейне.

Я взглянула на Люка – и да, и это он знал.

– Как я погляжу, – рассмеялась я, – вы с моим мужем слишком много секретничаете.

Сестра улыбнулась с видом «а как иначе?».

Что подарит Поля, можно было и не гадать. Демьян тут, видимо, права голоса не имел – но мне было достаточно того, как он смотрит на нее. Умиротворенно и с любованием, потому что она своими движениями, энергией, смехом, заряжала всех вокруг.

И действительно, это была пара превосходных охотничьих ружей с серебряными вставками. Охоту я не любила, но мы в юности иногда развлекались с мамой стрельбой по тарелочкам.

– Ничего себе у тебя уже живот, – округлив глаза, сказала Полина, наклонившись, чтобы меня обнять и поцеловать. – Мы же всего неделю не виделись!

– Ты каждый раз это говоришь, – фыркнула я, и мы захихикали, так и продолжая обниматься. Демьян терпеливо ждал, чтобы поцеловать мне руку и пожелать здоровья, сил, счастья и далее все то, что было положено.

Алина тоже ожидаемо подарила мне книги. Учебники по неонатологии и педиатрии, госпитальной, инфекционной и неотложной, книг двадцать, не меньше.

– Я посмотрела программу медицинского университета и выписала все учебники, по которым они учатся по педиатрическому направлению, – серьезно сказала она. – Мне кажется, тебе захочется их прочитать.

– И ты абсолютно права, сестренка, – сказала я с чувством, обнимая ее. – Когда придет время, и я не смогу двигаться, а только кататься или лежать в кровати, мне будет чем заняться, чтобы не сойти с ума.

Она улыбнулась, и я с тревогой взглядела в нее. Она уже чуть поправилась, ожила, но в глазах ее жила тяжелая, густая, черная тоска – я видела ее в каждый приход Алины в Вейн и хорошо помнила эту тоску в отражении своих глаз в зеркале.

– Как ты, ребенок? – шепнула я глупейший из вопросов.

– Живу, – ответила она, и я поцеловала ее в щеку, не желая отпускать, и все же отпустила.

Отец подал мне пышно цветущий экзотический куст в горшке, при виде которого ожили леди Шарлотта, и свиток с рисунком от Каро.

Я развернула его, криво улыбнулась и тут же свернула.

– Что там? – тут же поинтересовался Люк.

– Девичий секрет, – строго сказала я. – Мальчикам такое видеть нельзя.

Свиток жег мне руку, я не знала, куда его деть. Чтобы никто не увидел и не пошли ненужные разговоры. Чтобы не увидел Люк – я не хотела, чтобы что угодно оказывало на него давление в этом вопросе. В результате я спрятала его в футляр от ружей.

Но перед внутренним зрением все еще стояла я, восседающая на белом, словно слоновой кости, троне, в вышитом серебром платье, покрытая горностаевой мантией и с малой короной Инляндии на голове. Той, которой короновали королев-консORTов.

С одной стороны, я будто уже приняла, что это неизбежно, с другой – Каро сама говорила, что ей показывают лишь самое вероятное развитие событий. Что любое действие может его изменить. Что сам факт предсказания может стать таким действием, если человек примет во внимание то, что предсказано.

Энтери с Тасей преподнесли набор душистых трав к чаю в драгоценных серебряных горшочках, а Катя – прелестный серебряный компас с одной-единственной стрелкой.

– Мне его собрал Саша, – она качнула головой в сторону Свицерского, который рядом смотрелся очень органично, – а я зачаровала его так, чтобы ты могла найти любую потерянную вещь. Просто скажи, что ты ищешь, представь – и стрелка поведет тебя куда надо.

А Мартин, конечно же, отличился: когда подошла их с Викторией очередь, поманил меня к двери, затем по коридору – к лестнице. А за нами пошли все – даже сильным мира сего свойственно любопытство.

– Я уже нервничаю, – со смехом призналась я, когда он остановился у ограды лестницы. А затем что-то нажал на ограде, и открылась дверка прямо в пустоту – и он шагнул туда под мой возмущенный вопль. И застыл – потому что под ногами его оказалась прямоугольная металлическая платформа, на которой могли свободно разместиться человек шесть.

– Пойдешь? – спросил он, протягивая руку. Лицо его было довольным-довольным. – Это наш с Вики тебе подарок, Марина.

– Ну конечно же, – проговорила я и тоже ступила на платформу. Посмотрела на Викторию, она со смехом качнула головой.

– Оставляю право презентовать мужу, не буду лишать его триумфа. Он и себе, и мне голову заморочил, пока придумал и сделал. По ночам колдовали, пока ты спишь, чтобы ты не догадалась.

– Второй, – проговорил Мартин, и платформа неощутимо поплыла вниз и остановилась на уровне второго этажа. – Первый, – и она вновь начала спускаться и остановилась на площадке центральной лестницы, под которой был уже холл первого этажа. – Ну как?

– Она на голову никому не опустится? – спросила я, глядя вверх, откуда выглядывали мои близкие.

– Нет, мы с Викторией тут поставили щитовые артефакты специально, чтобы никого не раздавили, – и Март показал на очерченную по краю платформы рамку. – Так что теперь у тебя и у Вейна есть лифт, Марина.

Я могла бы, конечно, пошутить, что я и птицей могла бы на поздних сроках оборачиваться, чтобы с животом спускаться вниз. Но не стала – потому что это было проявление заботы. Я просто обняла его и шепнула:

– Спасибо, Март. Я тебя очень люблю.

– И я тебя, Марина, – ответил он серьезно. И тут же подмигнул. – Пойдем наверх? Я мельком увидел твой торт и теперь ужасно хочу его попробовать.

Не подвел и Таммингтон – он подарил мне набор драгоценных подвесок-бантов к платьям и очень трогательно и обтекаемо дал понять, что вовек не забудет того, что я для него сделала. Но больше меня порадовало то, что после он подошел к Рите и что-то преподнес и ей. Они болтали, как друзья, несмотря на то что оба чуть краснели, и я чувствовала себя старой сводней, глядя на них, занявших угол и не обращающих ни на кого внимания. Впрочем, Люк, похоже, испытывал то же самое. А уж как довольно шурилась свекровь, не передать.

Вечер, наполненный смехом, любовью и взаимной приязнью, шутками, тостами и поздравлениями, плавно перешел за круглый стол, за который мы расселись на ужин. Прекрасный был вечер, настолько идеальный, насколько он мог быть. Из-за обилия впечатлений я будто чуть отстранилась от происходящего и слушала разговоры, рассматривала друзей и родных, улыбалась им и спокойному, умиротворенному течению моих мыслей.

Среди всех моих прекрасных, оживленных, красивых родственников беспокоила меня одна Алина. Она сидела рядом с отцом, и я видела, что он тоже бросает на нее тревожные взгляды, и отвлекает ее, и разговаривает, но она словно была устремлена в себя. Мы все это замечали, и она, похоже, тоже видела, что мы видим, но не имела сил изображать, что все хорошо.

Люк выходил покурить на балконы, к нему присоединились мужчины – кто-то курил, кто-то просто общался. Судя по всему, пошли уже разговоры о политике и торговле. Опять вдалеке гроыхала гроза. Скоро должны были подавать сладкое, когда Люк встал и протянул руку мне.

– Неужели еще один подарок? – спросила я, вкладывая руку в его руку.

– Ну конечно же, – ответил он невозмутимо. – Я же говорил, что это не все.

Люк вывел меня на балкон и указал вниз. И мне действительно захотелось обернуться птицей и слететь на газон, потому что у входа в Вейн на дороге, освещаемая прожектором с уцелевшей башни, стояла красная «Колибри» – копия той, что исчезла в море, когда я повернула руль, убегая от Люка.

Воспоминания о том дне и о том, что было потом, полоснули меня – и отпустили. Все это было в прошлом. А это – мое настоящее.

– Откуда? – спросила я, прижимаясь к мужу. Сил на бурную радость уже не было, но я была абсолютно счастлива. – Ты же говорил, что их выпустили всего несколько штук.

– Майки нашел тех, кто заказывал их вместе со мной. Один из хозяев согласился свою машину продать. Он на ней почти не ездил, коллекционер.

– А что ты будешь мне дарить на следующий год? – полюбопытствовала я с нежностью. – Если ты все, что мог, подарил мне в этом?

– Ну, во-первых, всегда есть малая герцогская корона, – ответил он, усмехаясь. – А во-вторых, поверь, далеко не все.

Так много всего было в этот день, что я застыла, глядя на машину. За моей спиной оживленно и радостно переговаривались близкие, Люк отступил, чтобы дать кому-то обзор, я повернулась к нему – и увидела, как проявляется рядом с балконом гигантская воздушная птица, чья голова была размером с замок – точь-в-точь как те, которые я видела над гробницей Инлия, – как захлестывает Люка хвостом и вместе с ним рвет вверх, в темное небо, на котором уже опять перекачивались зарницы.

Я опешила. Глотнула ртом воздух раз, два...

– Ну нет! – заорала я вслед. – Только не сейчас! Только не в мой идеальный праздник!

Сверху ударил поток ветра такой, что я отшатнулась. Меня поддержал Мариан – а с ветром пришло и шипение, в котором я с трудом различила слова:

– Не волнуйсся, красссная, мыссс толькоссс поговоримссс и вернемссс егоссс тебесссс...

– А вчера вы поговорить не могли? – крикнула я в ярости. Сорвала с ноги туфлю, бросила в ветер – и он отозвался мягким смехом. – Или завтра!!!

Ветер обнял меня, погладил, мягко толкнул, разворачивая к родным. Те казались такими же обалдевшими, как и я.

– Впрочем, – раздался спокойный голос леди Лотты, – чему мы удивляемся, Марина?

И почти все повернули к ней головы и с пониманием кивнули.

– Ладно, – выдохнула я, потому что меня начал душить нервный смех. – Кто-то что-то про это знает? Нории, – мой голос уже почти не был истеричным, – ты же знаешь воздушных духов. Что они хотят от моего мужа?

Красноволосый дракон склонил голову под строгим взглядом Ангелины и настойчивым – моим.

– Я знаю, сестра жены моей, – сказал он, – но, полагаю, мой брат по отцу все должен тебе рассказать сам. Но я не чувствую опасности. И ты, думаю, тоже.

Я фыркнула и снова посмотрела на небо. Вот уж действительно, подарок так подарок. В небесах разворачивалась буря – ветер гнал грозовые облака с такой силой, что ревело даже здесь, хотя тут, внизу, даже дерево не пошевелилось.

– Ну что, – очень светски сказала я гостям, – у нас что свадьба, что день рождения не без происшествий. Будем считать, что это традиция. Предлагаю вернуться ко столу, дорогие гости. Тем более, что мне обещан какой-то невероятный торт. Моему мужу... пришлось отлучиться по делам, как вы видите. Но он вернется, – и я едва сдержала рвущееся в голос тяжелое предвкушение, – обязательно вернется.

«И все мне объяснит», – добавила я мысленно. И оскалисто улыбнулась гостям, подавляя желание обернуться тут же и полететь вверх за ним.

Судя по лицам моих старших сестер, чего-то такого они от меня и ждали.

Торт, кстати, оказался великолепным. Особенно вкусно было его есть, когда окна дрожали от воющего снаружи ветра и непрерывных раскатов грома.

* * *

Люк завис в темных звездных небесах посреди струящегося серебристого великолепия. Он словно находился внутри огромного клубка, и по стенкам этого клубка неслись сотни гигантских змееветров, глядя на него с раздражением.

Он вздохнул и обернулся – потому что в небеса его подняли в человеческой форме, и он как-то сразу понял, что брыкаться не надо. А еще – что надо каяться.

«Проссстите меня, – прошипел он мысленно и очень почтительно, – я не хотел оскорбить вассс...»

«Тыс-с-с пряталс-с-ся от наш-ш-шего зовас-с-с, наглыйс-с-с змееныш-шш! – обрушилось на него шипение со всех сторон. – Тыс-с-с с-с-считаеш-ш-шшь, чтос-с-с мыс-с-с будемс-с-с этос-с-с терпетьс-с-с?»

«Как я мог? Я не прятался, братья по отцу. Я проссил еще несссколько дней», – осторожно проговорил Люк, прикидывая, куда драпать, если разъяренные старшие братья, которые решили устроить в небесах бурю, а ему – похоже, задать трепку, – все же решат им перекусить.

«Прос-силс-с-с онс-с-с, – раздраженно прошипели со всех сторон. – Ты не наш-ш-ш-шел
временис-с-с поднятс-с-ся и попрос-с-с-ить как с-с-с-следуетс-с-с?»

«Виноват. Не подумал. Не сердитесь, великие и прекрасные, я и не думал вас избегать», – добавил он льстиво.

Духи так хором недоверчиво зашипели, что небеса содрогнулись, а Люка начало швырять туда-сюда как теннисный мячик.

«Я виноват, – проорал он сотням уставившихся на него зубастых клювов и как-то уцепился лапами за случайный поток, притормозил. – Я больше никогда не допущу такого непочтения, мои ссстаршие братья по отцу. Проссстите меня».

И он раскланялся во все стороны, в которые мог, гадая, не клонет ли его кто за чрезмерное усердие.

«Но зачем вы хотели меня видеть, великие и могучие?» – спросил он, осторожно надеясь, что речь не пойдет о долге.

«Тыс-с-с намс-с-с долженс-с-с жизньс-с, змееныш-ш-ш, – не оправдали его ожиданий ветра. – Помниш-шь? С-с-коро нас-с-ступит времяс-с-с отдавать долгс-с-с».

«Вы ведь не хотите меня убить?» – на всякий случай уточнил он. Холодок по перьям побежал, не скроешь.

Змеевстры переглянулись с таким скептическим выражением, что Люк уже до того, как они начали говорить, почувствовал себя дураком.

«А зачемс-с-с намс-с-с тебяс-с-с было спас-с-сать тогдас-с-с?» – прошелестело справа ехидно.

«А он намс-с-с точно нуженс-с-с? – спросил кто-то из оппозиции, видимо. – Дас-с-с, он храбрс-с-с и ловокс-с-с, хитерс-с-с, как ис-с-стинный ветерс-с, но глупыйс-с-с какой-тосс-с-с, зачемс-с-с намс-с-с глупыйс-с-с?»

Люк был готов побыть глупым, если это его спасет, и чуть не закивал. Но сдержался.

«Нуженс-с-с, – одернул скептика другой великий змееветер с мерцающими глазами. – Он с-с-самый с-с-сильный. А намс-с-с нужнас-с-с королевс-с-с-ская кровьс-с-с на алтарес-с-с», – и они все снова уставились на Люка почти с гастрономическим интересом.

Люк нервно пошевелил хвостом.

«Что вы хотите в уплату долга?» – уныло уточнил он, хотя тут и дурак бы, каким они считали его, догадался.

«Чтобы ты-с-с вс-с-стал под коронус-с-с нашего-с-с отцас-с-с, – заволновалось воздушное море со всех сторон. – Чтобы-с-с вс-с-стал на Аренус-с-с, когда будет-с-с коронация-с-с

с-с... Положис-с-с свою жизнь-с-с, которую-с-с должен-с-с нам, на с-с-служение-с-с земле отц-с-с наш-шего Инлия-с-с-с...»

Шипение затихало, и со всех сторон смотрели выжидательно. Скажи не то – и точно сожрут.

И потому следующие слова он произносил очень осторожно.

«Великие мои братья, прекрасные и могучие...»

Змееветры не расслаблялись. Чувствовали подвох.

«...в детстве мне читали сказки. И там всегда давали возможность отыграть долг...»

Его оглушило шипением.

«Ты отказываеши-сь от сс-своего сс-слова-с-с-с?»

«Нет, нет! – прокричал он мысленно, распушил крылья и воротник, расставил лапы – мол смотрите, какой я искренний. – Просто... так же интереснее, да? Вы же любите играть? Дайте мне отыграть долг!»

Духи замерли. Наступила оглушающая тишина.

«Хитрец-с-с-с...» – прошелестел кто-то едва слышно.

«Сын Инлия-с-с-с» – даже с какой-то гордостью и симпатией отозвались ему...

«Он не хочет-с-с быть королем-с-с-с...»

«Не готов-с-с брать на сс-себя ответствен-с-с-сть...»

«Может-с-с, он не так-с-с с-с-силен-с-с, как мы думаем-с-с?»

Сотни сияющих глаз рассматривали его – кто с насмешкой, кто с сомнением. И не сказать, что сам Люк не испытывал в этот момент сомнений.

«А что-с-с мы получим-с-с, ес-с-если соглас-симся, – спросил один из змееветров. – Ес-с-если твоя жизнь и так-с-с у нас-с-с?»

Люк сглотнул.

«Удовольствие?» – спросил он с надеждой.

Духи переглядывались так, будто что-то хотели сказать. И Люк ощущал странное выжидательное разочарование.

«Нельзяс-с-с быть-с-с хозяином-с-с земли-с-с, которую не хочеш-ш-шь и не любиш-шь...» – прошелестело с одной стороны.

«Был бы он-с-с хозяином-с-с, он бы-с-с еес-с-с не смог отдать-с-с», – зашумело с другой.

«Неужели-с-с мы ош-шиблис-с-сь в нем-с-с, неужели ош-шиблись», – лилось со всех сторон, и если бы у Люка были лапы подлиннее, он бы точно заткнул ими уши. Если бы нашел их на змеиной голове.

Это разочарование раздражало. Но свобода... и свободная Марина рядом были ценнее.

«Что жес-с-сс, неразумный-с-с змееныш-ш-ш, – снисходительно сказала одна из голов Великого Ветра. – Приходи к нам-с-с не позжес-с, чем за трис-с-с дня-с-с до коронации. Будем играть-с-с. Проиграеши-шь – полетиш-ш-шь на Арену».

Люк перевел дыхание. Все же небольшая лазейка осталась.

«А во что будем играть?» – спросил он, судорожно соображая, что бы предложить, как извернуться. Про игры он никак не думал – думал предложить отработать, храм поставить или, как Нории договорился со своим Терновником, договориться с Великими духами – что по всему Дармонширу будут их почитать и дары приносить.

«А прилетай-с-с к нам-с-с, как реш-ш-шишь-с-сся, – ответили ему, с предвкушением переглядываясь. – Там-с-с и с – сскажем-с-с-сс. Но помни-с-с – не позжес-с-сс, чем-с-с за трис-с-с дня-с-с до коронации-с-с. Не прилетиш-ш-ш-шь – значит-с-с с-с-ссам явиш-ш-шь на Арену-с-с-с...»

Люк подзавис, пытаясь судорожно найти хоть какую-то зацепку, чтобы улучшить свое положение, поторговаться, получить хоть намек на то, во что с ним собрались играть.

«С-с-ссогласен?» – рявкнули на него.

И он торопливо, пока не передумали, кивнул.

«Согласен».

И клубок духов распался – и они потекли вновь по небу великими ветрами.

Люк перевел дыхание, облизнулся. И его вдруг вновь захлестнуло хвостом – и швырнуло к замку, под дождь.

Он едва успел обернуться в воздухе, как рухнул рядом с подарочной машиной, в свете прожектора, омываемый ливнем и подсвечиваемый грозой.

Похоже, у всех детей ветра похожее чувство юмора. Он поднял голову выше, в небо – там не было ни просвета, – посмотрел на угловую башню, где светились окна. И, выставив щит, мрачно закурил, чувствуя, как стекают по лицу потоки воды.

Открылась дверь, там возник силуэт Ирвинса с зонтом. И чтобы старик не шел к нему по грязи и под беснующимся ливнем, Люк, с наслаждением выпуская дым, сам пошел к нему.

– Отлучались, милорд? – невозмутимо спросил Ирвинс, когда они вошли в холл.

– Пришлось, – ответил Люк мрачно.

– Позволю себе предложить вам бокал глинтвейна, – проговорил дворецкий и как фокусник взял с подноса, который стоял на столике у дверей, широкий бокал с дымящимся напитком.

Люк начал прикидывать, сколько он уже выпил, сколько осталось, плюнул и взял бокал. Глотнул раз, два, блаженно закрыл глаза.

– Как вы догадались, что понадобится, Ирвинс?

– Леди Марина приказала, – ответил старый дворецкий. – Сказала, что вы вышли по делам и можете промокнуть. И что перед разговором с ней вам точно нужно будет выпить глинтвейна.

– У меня мудрая жена, Ирвинс, – пробормотал Люк, приваливаясь к двери и прикрывая глаза. От происшедшего начало слегка колотить.

– О да, ваша светлость. Гости еще здесь. Полагаю, вы хотели бы переодеться?

– Безусловно, Ирвинс. Безусловно.

Вечером, после объяснений с гостями (к сожалению, наши старшие братья не понимают этикета и просто хотели обсудить будущее Инляндии, дорогие гости), после проводов и раскладываний, Люк поднялся с Мариной на новообретенном магическом лифте в семейные покои. И там рухнул в кресло, откинув голову на спинку.

Марина села ему на колени, заглянула в глаза.

– Рассказывай, – попросила она.

– А как же этап, когда ты меня бьешь? – с ощущением поражения откликнулся он.

– Будем считать, что меня умиловил торт, – ответила она. – Что от тебя хотели?

– Я задолжал им жизнь, – проговорил он, – и они действительно серьезно мне помогли, спасти Берни, выиграть войну. Я им благодарен и не могу не отплатить. Но они требуют, чтобы я короновался. Я смог выторговать только возможность отыграть долг. У меня есть время до трех дней до коронации. И оттягивать я ее могу, но не буду – потому что все равно придется это решать.

Марина серьезно и тихо гладила его по голове, о чем-то раздумывая и будто слегка улыбаясь.

– Ты не спросишь, почему я не сказал тебе?

– Я знаю, почему ты не сказал, – вздохнула она. Посмотрела на него. – Ты не хочешь быть королем? – спросила она почти строго.

– Нет, – ответил он быстро.

– Тогда ты справишься, – ответила она и поцеловала его в губы. – А я, если понадобится, тебе помогу.

Глава 4

Лортах, восьмое июня по времени Туры

Барон Дуглас Макроут сидел верхом на стрекозе сразу за всадником-иномиряннином. Над местностью, где они пролетали, занимался рассвет, и барон, проживавший в крылатом теле здесь, на Лортахе, под именем Хитша, и подумать не мог, что придет время, и кто-то из иномирян может стать их союзниками.

Впрочем, он о многом подумать не мог.

Если бы кто-то еще полгода назад сказал барону Дугласу Макроуту, что все, о чем мечтали его родители и его соратники – возвращение Черного Жреца и восстановление темной династии и силы темной крови – свершится, он бы не поверил. Он вырос в мире, где темный бог, дающий силу своим потомкам, давно исчез и был скорее легендой, чем правдой. Легендой, в которую оставалось только верить. Вырос там, где к черным относились с предубеждением, где их боялись (и было за что), и был воспитан в вере в то, что ему и его крови предстоит сыграть роль в возвращении божественного господина. Родители воспитали в нем прежде всего чувство долга и чести, а потом уже все остальное.

И сейчас, когда все удалось, когда кровавые действия заговорщиков действительно поспособствовали возвращению господина, когда Тура победила, а иномирянские боги, наводившие ужас и на дар-тени, живших на Лортахе, оказались уничтожены, барон Макроут решил для себя, что будет искупать свое, пусть не прямое, участие в убийствах правителей, службой Жрецу и спасением других людей. Потому он первым из тысячи бойцов дар-тени, крылатых и потерявших крылья, вышел из портала на Лортах.

Десять вооруженных до зубов отрядов по сто сорок человек должны были выйти сюда – именно столько за раз могли перенести двадцать раньяров, выделенных Ренх-сатом. Туда лететь два дня, пересекая прокнесию Волаши, соседа Ренх-сата, ночью, чтобы не привлекать внимания. И обратно два дня. Через четыре дня следующему отряду будет понятно, есть ли кого там спасать и нужно ли лететь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.